

ГАЛИНА РОМАНОВА

ЦВЕТ МЕСТИ — АЛЫЙ

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова
Цвет мести – алый

«ЭКСМО»

2011

Романова Г. В.

Цвет мести – алый / Г. В. Романова — «ЭКСМО»,
2011 — (Детективы Галины Романовой. Метод Женщины)

ISBN 978-5-699-49300-5

Маша Белова и ее подруга Марина привыкли ни в чем себе не отказывать! Вот и в этот раз они, утомившись после шопинга, устроились за столиком своего любимого кафе. Но приятное времяпрепровождение неожиданно закончилось кошмаром – кто-то застрелил вышедшую на крыльцо Марину! Маша уверена: на самом деле убить хотели ее... Следователь Горелов сразу почувствовал особый интерес к этому делу: его жена Рита, так же как и Маша Белова, ушла от мужа к более успешному и богатому мужчине. А тут выяснилось, что за спиной погибшей девушки стояла... Рита! Неужели истинной целью преступника была именно она? Или этих женщин, променявших любовь на деньги, объединяет что-то другое? Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-49300-5

© Романова Г. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Цвет мести – алый

Она курила в открытую форточку, забыв зашторить окно. Она никогда его не зашторивала, никогда не стеснялась, разгуливая по квартире голышом.

– А если тебя кто-нибудь увидит? – возмущенно шипел он всякий раз, нервно задвигая тяжелую ткань портьер.

– Кто? – смеялась она в ответ. – Днем из-за тюлевой занавески ничего не видно. – Ночью... Ночью за мной наблюдать некому, разве что тебе. Ты же любишь смотреть на меня? Скажи, любишь?

Он слабел, падал духом и уже не помнил, с чего вдруг начался этот неприятный разговор, каждый раз оставляющий в душе чувство саднящей досады. Суть проблемы он не помнил, это так. А осадок всегда оставался. И он потом ходил с ним, как с тяжелым камнем за пазухой, боясь признаться в том, что немного сердит на нее. За что – не помнит, но сердит.

– Эй, детка, – тихонько позвал он ее с дивана, перевернулся на живот, подпер подбородок скомканной подушкой. – Тебе не холодно? Иди ко мне, согрею.

– Грелись уже! – ответила она вдруг непривычно злым голосом и глубоко затаилась, тут же выпустив клубок дыма в форточку. – Ты – идиот, ты об этом знаешь?

– Нет. – Он напряженно затих, потом хмыкнул, не дождавшись объяснений. – С чего это вдруг я стал идиотом? И прекрати курить, наконец! Это... Это вредно!

– Вредно быть засранцем. Таким, как ты, например.

Она швырнула вниз окурки, захлопнула форточку, аккуратно расправила складки на занавеске, но зашторить окно и не подумала. Прошла по комнате, мягко, красиво, как большая породистая кошка. Остановилась возле дивана, где он лежал, не шелохнувшись, в ожидании объяснений. Внимательно осмотрела его всего, начиная от лохматой макушки и заканчивая пятками.

– И зачем я с тобой связалась, ума не приложу! – со стоном опустилась она на край дивана, положила ладонь ему на спину, между лопаток, погладила. – Мало мне в жизни проблем?

– Я не проблема, – шепнул он, переворачиваясь. – Я – твой любимый мужчина!

Она наклонилась, скользнув губами по его щеке, шее, груди, застонала едва слышно, шепнула что-то неразборчивое.

– Я не слышу, – тоже шепотом отозвался он, думать становилось все сложнее, его разум и тело в такие минуты переставали жить в ладу между собой. – О чем ты, детка?

– Отшлепать бы тебя, идиота! – чуть громче отозвалась она, он пододвинулся, она улеглась рядом. Совсем не больно укусила его за мочку уха. – Да больно уж ты хорошенький, и тут, и тут, и вот тут тоже... Ты хотя бы понимаешь, что натворил?

– Что?

Он чуть приоткрыл глаза, взглянул на нее. И снова, как всегда, судорожно глотнул воздуха.

Боже, какая же она красавица! Других таких просто нет и быть не может! Какое же это счастье, что она – его! Он может смотреть на нее часами, может целовать, любить ее, гладить ее тело. Он обожал ее расчесывать, блажь, конечно, но – обожал. Рассыпал по плечам, спине ее волосы, путал их, а потом разбирал на прядочки, осторожно проводя по ним гребнем с редко расположенными зубцами.

– Ты красавица. И я тебя очень люблю! – Он обнял ее, потащил на себя.

– Любит он! – фыркнула она, но уже не зло, скорее с печалью какой-то или даже с усталостью. – Мне из-за твоих фокусов оторвут башку когда-нибудь. Не смейся, так и есть! Это проблема, да! И мне из-за тебя когда-нибудь точно...

– Тс-сс... – он накрыл ее губы своими, целовал ее долго, жадно. Когда оторвался от ее рта, еле выговорил: – Если кто-то и оторвет тебе твою милую головку, то только я!

– Почему? – Ее ускользающий взгляд немного оживило изумление. – Почему ты?

– Потому что я устал тебя делить, милая. Просто устал!!!

Глава 1

Дождик, дождик – кап, кап, кап, намочил дорожки...

Из далекого-далекого детства, из того невероятного, с каждым днем все сильнее стирающегося из памяти счастья вдруг всплыл этот стишок. Почему? Дождя не было, а этот стишок она всегда именно в дождь вспоминала. А сейчас все наоборот, и непривычно яростное для конца октября солнце жгло ей макушку. Пахло разогретым асфальтом, преющей, в кучку сметенной у бордюра листвой, и еще городской суетой пахло.

Скажите, нет такого запаха, не существует его? Ага, как же! Существует, существует, да такой, что ни одному парфюмеру не под силу его воссоздать. Тонкий аромат духов отпрянувшей в испуге блондинки накрыло ванильно-шоколадным облаком, вырвавшимся из дверей кофейни, из которой, кстати, она сама минут десять тому назад выбежала. Все тут же растворилось в выхлопе примчавшейся «неотложки», поверх лег слой грубой сигаретной вони суетившихся оперативников. Припечатало эту смесь резким и будто бы дорогим парфюмом, исходившим от гомонившей толпы, потом – мазок солярочной вони от огромного пятна, растекавшегося прямо аккурат возле Маринкиной головы и...

Дождик, дождик – кап, кап, кап, намочил дорожки.

Да что же это такое! Отчего эта строчка к ней пристала? Ну не могла же она, в самом деле, слышать стук капель ее крови, как в детстве слушала барабанную дробь дождя?! Капель-то не было, была огромная мерзкая багровая лужа, увеличивающаяся с такой стремительностью, что казалось: она вот-вот перекроит солярочное пятно, вонявшее так отвратительно, что заглушило все запахи вокруг.

Нет, капель не было. Если бы кровь вытекала из Маринкиной раны по капельке, она тогда могла бы надеяться, что ее подруга выживет. Что она проваляется на больничной койке недельку-другую, в аккуратной марлевой шапочке, да и встанет потом на ноги. Пусть она и постонет, и повредничает, и пусть без конца смотрится в зеркало, поноет, какой она стала уродиной, примется гонять ее по аптекам, парфюмерным магазинам, начнет изводить ее своим брюзжанием – пусть! Потом-то она возьмет да и выздоровеет. И они снова заживут как прежде. Примутся вдвоем метаться по распродажам, делая короткие передышки в кофейнях. Начнут ходить на дневные сеансы в кино. Станут посещать одного и того же массажиста, косметолога, парикмахера, прыгать с диким ржанием в один бассейн. Вновь начнут сплетничать – беззлобно – о знакомых и не очень людях. И дуться друг на друга, а как же без этого – без этого нельзя, живые ведь люди, обе...

Господи, живые! Маринка, она же... она же теперь мертвая, да?!

– Господи-и-и-и!

Из горла пополз, царапая слизистую, странный затяжной сип. Сип этот вдруг хватко подцепил все содержимое ее желудка и поволок его наружу. Кажется, ее сейчас стошнит.

– Господи-и-и-и! Марина-а-а-а, миленькая моя-я-я-я...

– Эй, док! – рявкнул кто-то над самым ее ухом, кажется, тот тип, с запахом резкого дорогого парфюма. – Дуй сюда! Нашей фигурантке совсем худо!

А вот это – настоящая брехня. Ей пока что не худо. Ей пока никак. Она пока просто сидела, широко расставив ноги с плотно сведенными коленками, на разогретом, пахнувшем горячей пылью и солярокой асфальте и тупо наблюдала за тем, как под Маринкиной головой расплзается мерзкая багровая лужа.

Тошнота вот только ее донимала. Говорила же она подруге, что крем в пирожных отдает кислотой и они запросто могут отравиться! Та хихикала и намекала на ее интересное состояние. Мол – ты, наверное, беременна, а сама на кондитеров гресишь! Но она же знала, что ни о какой беременности и речи быть не может. Во-первых, она тщательно следила за этим,

а во-вторых, Алекс был категорически против. Вопреки воле мужа она пойти не могла, как бы ни хотела.

Кто-то больно ухватил ее под мышки, резко вздернул вверх и попытался поставить ее на ноги. И чего добился? Она ватной куклой повисла в его сильных руках, кажется, все тех же, пахнувших дорого и резко. Согнулась в пояснице и принялась блевать прямо себе и ему под ноги.

– Твою мать!!! – взревел ей на ухо ее добровольный помощник. – Эй, док, твою мать! Я кому сказал, что ей херово?! Оглух, что ли?!

– А кому тут хорошо? – меланхолично отозвался молодой малый в мятом белом халате и сморщенной докторской шапочке. – Меня и то мутит, мозги-то аж на стенах повисли!

Она машинально проследила за его жестом, конечно же, увидела то, от чего даже врача замутило, и ее снова стошнило прямо под ноги им обоим – и ей, и ее спасителю.

– Да что же это такое-то, а! – зарычал тот так, что у нее в глазах потемнело, хотя вряд ли от этого, впечатлений и без его рыка хватало за глаза. – Девушка! Встаньте хотя бы прямо!!!

Легко сказать! Она еле шевелила руками и ногами, как проткнутое огромной иглой насекомое. Вроде и хотела она быть сильной и значительной, но не получалось. Застыдилась даже в какой-то момент своих вывернутых стоп и рук, сильно выпроставшихся из задранных рукавов курточки.

– Не могу-у-у-у! – Все тот же сип царапал ее горло. – Стоять не могу-у-у-у...

– Понял. – Кажется, он кивнул, что-то жесткое и колкое коснулось ее щеки, наверное, его подбородок. – Давайте сделаем так...

И он поволок ее, как обмякший манекен, куда-то в сторону от деловито снующих вокруг ее Маринки людей в резиновых перчатках, куда-то за машины, подальше от ее подруги, распростертой на асфальте перед входом в кофейню.

Господи, знала бы она, бедная, как станут ее трогать, лапать, ворочать, задирать на ней одежду, – сто процентов предпочла бы утонуть в прошлом году на море. Ведь тогда Маринку, заплывшую по пьяной лавочке в пятибалльные волны, едва спасли.

«Ой, как представляю, что меня вылавливают через неделю – всю раздутую, с выпученными глазами, со сползающей чулком кожей... Бр-рр-р, лучше сгореть!!!»

Это Маринка, уже ближе к вечеру окончательно протрезвев и окрепнув от пары пол-литровых чашек кофе, так рассуждала. Тряслась всем телом и рассуждала, как предпочтительнее ей стоило бы умереть, чтобы не выглядеть безобразно. Она тогда кутала подругу в теплый халат и плед, обнимала, гладила ее по голове и все время ласково приговаривала: «Бедная ты моя, бедная, бедная ты моя дурочка...»

Они тогда обе изрядно перепугались и суеверно не подходили к полосе прибоя все оставшиеся пару дней отдыха.

«Курицы! – негодовал потом Алекс, когда она, уже дома, все ему рассказала. – Глупые курицы!!! Всего-то и нужно было: не лезть с пьяных глаз в море, которое еще к тому же штормило!!! Не надо провоцировать и искушать судьбу, дорогая!!! Никогда не надо ее дразнить!!!»

Сейчас что же – получается, Маринка что-то такое спровоцировала, отчего выстрелом ей снесло половину черепа?! Поддразнила нечто такое, выступила в роли искушительницы?!

Но как?!

Они забежали, обвешанные пакетами с блузками, парой платьев и футболками, в любимую кофейню поболтать, обсудить покупки, подсчитать моральные – у Маринки из-под носа увели классные джинсы – и материальные убытки, ну и заодно выпить кофе и слопать по пирожному.

Все же было как всегда! Как всегда, они заказали по чашке кофе, по куску венского торта, Маринка добавила к обычному заказу еще два шарика лимонного мороженого. Но за это же не убивают!

Они трепались ни о чем, смеялись. Осторожными кошачьими движениями отщипывали крохотными ложечками малюсенькие кусочки торта, жевали их, проглатывали, запивали кофе. В чем суть провокации?!

Она лично заподозрила, что крем в пирожном слегка кислит. Маринка над ней посмеялась. Быстро доела пирожное, вонзила ложечку в поплывший шарик мороженого, с ним управлялась тоже достаточно быстро. Потом ей вдруг приспичило покурить.

Может, это?..

Нет, не получается. Маринка курила с пятнадцати лет и бросать не собиралась, невзирая на частое нытье подруги по этому поводу. И, посещая это место, Маринка постоянно выходила на улицу перед входом и курила там.

Все было как всегда, все буквально! Почему же именно ее и именно сегодня убили?!

– Ну! Встаньте наконец! – грубо приказал человек, волоком оттащивший ее за кулисы страшной трагедии, разыгравшейся перед входом в кофейню. – Ну!!!

Повинуясь этому окрику, она встала, опершись о шероховатую бетонную стену дома рукой, чтобы не свалиться. Подышала глубоко и часто, помотала головой, взглянула в лицо своему спасителю, отличавшемуся от всех остальных присутствующих резким дорогим запахом.

Ну, что можно было сказать об обладателе запаха? Запаха, сумевшего «припечатать» собою и тонкий аромат духов перепуганной насмерть блондинки. И шоколадно-ванильный дух из разверзнувшихся дверей кофейни, выплескивающих на улицу праздных зевак. И вонь из выхлопной трубы примчавшейся по вызову «Скорой помощи».

Обладатель был сродни запаху – резким и дорогим. Глуповато выходило со сравнением, зато верно.

Черты его лица были достаточно приятными, и выглядел бы мужчина привлекательным и даже весьма симпатичным, если бы не туго сжатый, синюшного оттенка рот, не сведенные галочкой к переносице брови и не неподъемно тяжелый взгляд больших глаз цвета стылой ноябрьской лужи.

Волосы хорошо подстрижены, аккуратно уложены. Шею сдавливал тугой воротник сиреневой дорогой сорочки, кадык упирался в красивый узел такого же дорогого галстука. Затем она рассмотрела вырез углом на лиловом джемпере, далее шли пуговицы хорошо сидевшего на нем темно-серого укороченного плаща, темные брюки, начищенные носы черных ботинок. Правда, тут она неаккуратно подпортила картину – крохотная клякса ее блевотины попала на ботинок прямо возле петельки для шнурка.

– Простите, – осторожно шмыгнула она носом.

Мужчина проследил за ее взглядом, его туго сжатые губы искривились брезгливой волной.

– Ничего страшного, – спохватился он через мгновение. Взглянул на нее: – Говорить можете?

– Кажется... – Она кивнула. – А... А что говорить-то?

– Для начала – сообщите, как вас зовут, фамилию назовите, полных лет сколько, где проживаете, род занятий. И все то же самое – про вашу подругу. Вы ведь подруги? – выпалил он скороговоркой и тут же поспешил представиться: – Горелов... Горелов Иннокентий Иванович. Так как вас зовут, девушка?

– Меня?

Она шумно сглотнула, тошнота все не давала ей покоя, аж в ушах шумело, но вновь блевать на глазах этого чопорного малого, к тому же такого нарядного, было невыносимо стыдно. Одно дело, когда он находился за ее спиной, другое – когда рассматривал ее в упор. Захлебнешься, но рта не раскроешь, так ведь?

Она постаралась сосредоточиться на ответах, чтобы хоть как-то себя отвлечь.

– Маша. Меня зовут Маша. Мария Николаевна Белова, полных лет – двадцать семь. Алекс зовет меня Мари. И все другие тоже так зовут, и сестра его, и мама, и Маринка... звала иногда. Можете и вы... Хотя зовите, как вам удобнее. Не работаю нигде. Живу дома.

– Очень вразумительный ответ! – фыркнул сердито Горелов. – Послушайте, Мария Николаевна, давайте-ка по порядку. Дом-то ваш где? Только не говорите, что дом – дома!

– Простите. – Она привалилась спиной к бетонной стене, зажмурилась. – Простите, мне все еще нехорошо...

Она услышала, как он едва слышно чертыхнулся. Потом велел ей подождать немного. Быстро вернулся с бутылкой воды, приказал ей выпить и прополоскать рот. Она подчинилась, выполнив все под его диктовку. Отдышалась, снова взглянула на него. Линия его рта чуть смягчилась, глаза словно бы подтаяли, брови разошлись, и Иннокентий Иванович сделался вдруг до неприличия хорош. Картинка просто, а не оперативник! Разве так можно, по их Уставу-то?

– Я живу на улице Зеленой, дом двадцать шесть.

– Угу! – ухмыльнулся он как-то недобро, со значением. – Живете, стало быть, неплохо совсем. Потому и не работаете?

– Почему – потому?

Ой, ну как же он не понимает, что ей теперь не до его иносказательных замечаний и вопросов! В голове пусто, в душе все выстыло, единственное, что невыносимо терзало ее теперь, – это тошнота плюс необходимость что-то говорить. Ей бы теперь свернуться где-нибудь клубочком, хотя бы вот и под этой шершавой серой стеной, да и подремать минут десять-пятнадцать. Глядишь, и вернулись бы к ней и чувствительность, и способность принимать решения. А она это может – решение принимать, и еще как!

– Алекс – это ваш муж? – отвлек ее от этих рассуждений Горелов очередным вопросом.

– Муж.

– Алексей? Александр? Белов?

– Алексей. Он не Белов. Он Захаров. Белова – это моя девичья фамилия. Я ее оставила в браке. У него – бизнес, на мне – дом. То есть у нас есть домработница, но я полностью контролирую расходы по дому и все такое.

– Все такое: это скачки по распродажам и бутикам, походы к массажистам, подтяжки лица, накладные ногти за полторы тысячи долларов? – широко раздувая ноздри, спросил Горелов.

Кажется, он гневался.

– У меня свои ногти, не накладные. – Маша выставила вперед обе кисти, демонстрируя ему безукоризненное состояние собственных ногтей. – Подтяжку лица не делала никогда, грудь тоже своя, и губы, и глаза. Вы отчего так сердитесь, а, Иннокентий Иванович? У меня подруга погибла, а вы...

– А мы теперь будем разгребать, пардон, ваше дерьмо гламурное! – выругался Горелов, совсем уж перестав соответствовать своему имиджу. – Вы, может, кофту с кем-нибудь на распродаже не поделили, и истеричка какая-нибудь отомстить вам решила, а нам теперь по ночам не спать.

– Почему это? Спать вы будете, и даже очень неплохо. Можно подумать, вас сильно заботит Маринкина смерть! – Ее голос зазвенел на такой высокой ноте, что еще слово – и она сорвалась бы на визг, но бог миловал, и закончила Мари с достоинством: – Вас состояние ваших премиальных заботит, вот! А еще – дырки на погонах. Те, которые можно будет просверлить, и те, которые, тьфу-тьфу, могут там появиться, сорви с вас начальство пару звездочек. Дерьмо, понимаешь ли, наше гламурное! Сам-то тоже небось не в ватник одет! И сколько галстук ваш стоит, я знаю! И запах ваш – догадываюсь, сколько он стоит!!!

Горелов вдруг отшатнулся от нее, как от ядовитой гадины, и зашагал, зашагал по кругу, старательно огибая то место, где она стояла. Нагулявшись вволю, он вновь встал напротив нее, уставился в упор.

– Спрашивайте, – проговорила Маша примирительным тоном. – И я позвоню Алексею, попрошу, чтобы он меня забрал. У меня нет сил.

– Да, конечно. – Он трижды глубоко вдохнул и выдохнул, потом пробормотал коротенькое извинение, сославшись на усталость, и спросил: – Чем, кроме походов по магазинам, вы еще занимались?

– Чем? – Она задумчиво поморгала, пожала плечами. – Да ничем... Читала, гуляла, встречалась с подругой. Смотрела телевизор, посещала выставки какие-нибудь модные. Если честно, мне это было неинтересно, но Маринка настаивала. Говорила, что так надо.

– Кому? – Горелов спросил, отвернув лицо в сторону, но по заигравшему на его щеке желваку она догадалась, что он с трудом ее терпит.

Она... Она и сама себя иногда с трудом терпела, если честно. Не о том она мечтала, не такой жизни хотела. Нет, она всегда мечтала о сытости, довольстве, но далеко не о пресыщенности. И когда университет технический заканчивала, мечтала о чем-то точно. О пользе какой-то от полученного ею образования, о собственной нужности.

Не поняли! Ни работодатели ее не поняли. Ни первый муж не понял, ни второй.

Первый, криво ухмыляясь, утверждал, что с такими взглядами на жизнь она денег никогда не заработает. Так и будет со своими идеями носиться в одних-единственных повседневных джинсах и в одном черном трикотажном платье на каждый праздник. И макароны у них со стола не сойдут никогда с маслом вместо мяса. Надо начинать с нуля, утверждал он. И двигаться к успеху постепенно. А ей хотелось быстрого, стремительного взлета.

Второй муж, ухмыляясь снисходительно, говорил, что деньги заработаны им уже до нее, посему взгляды на жизнь ей необходимо срочно пересмотреть. Применение ее образованности, может, и найдется, но лишь когда-нибудь, не теперь.

– Езжу еще отдыхать часто, – закончила она с печалью в голосе и вдруг застыдилась непонятно чего, безделья своего, что ли.

– С мужем ездите?

– Нет, с Маринкой в основном. Муж работает.

– Муж работает, а жена его деньги тратит. Ну что же, вполне в духе современности, – отозвался Горелов ворчливо и потер шею, будто воротник сорочки был ему излишне тесен, а узел дорогого галстука душил его. – А что за бизнес у вашего мужа? Захаров, вы сказали?

– Захаров Алексей Сергеевич. У него три заправки в городе.

– Черт побери! – выпалил в сердцах Горелов, но тут же снова поспешил извиниться: – Продолжайте, пожалуйста, это я так...

– Русский, ранее не судим и, надеюсь, не будет. У него есть сестра и мать, живут отдельно от нас, на другом конце города. Видимся нечасто. Вот и все.

– А подруга? Что вы о ней можете сказать? Замужем ли, есть ли дети, сколько ей лет? Кто ее родители? Кому сообщать о ее смерти?

– Некому. У нее только я... – снова сип колючей змеей пополз по горлу. – Мы из одного города с ней...

– Ага! Не местные, стало быть! – вдруг впервые за все время допроса обрадовался чему-то Горелов.

– Не местные. Приехали из родного города, здесь поступили в университет, закончили его весьма успешно, и я, и она. У Марины родители давно померли, моя мама десять лет тому назад скончалась. Она жила с бабушкой, той тоже нет больше с нами, – сумбурно рассказывала Маша, изо всех сил пытаясь не упасть в обморок.

Сил оставалось все меньше, а надо было еще дойти до машины, как-то доехать до дома, потом все рассказать Алексу, выдержать серию и его вопросов. Потом постараться уснуть, а завтра...

«Завтра» началось слишком рано. Она бы еще с полчаса повалялась в постели. Полежала бы еще немного, без движения и без мыслей, без света и звука голосов. Просто лежала бы, дышала и не думала – а как это будет все у нее теперь, без ее Маринки? Без ее оглушительного смеха, без ее потрясающего ехидства, моментально расставляющего все по своим местам. Без ее жизнеутверждающего эго, к которому – чего уж греха таить – Маша присосалась, как вампир, черпая в нем силы.

Да, утро началось слишком рано...

Началось оно с оглушительного гудения гонга у входной двери. Почему нельзя было влететь туда обыкновенную кнопку обыкновенного звонка, скажите? Почему потребовался им непременно такой вот оглушительный, словно бой курантов, гонг?!

Для престижа все, для него, родимого. Звонок слишком прост для такого семейства, как Захаровы! Где Алексей – не Алексей, а Алекс. Где золовка Таня – и не Таня совсем – а Танаис!

– Ох-оох-ох! Обосраться можно!!! – ржала Маринка, узнав об этом. – Эта толстопятая, с рязанской мордой, – Танаис?! Почему Танаис-то?!

Маша не знала, почему именно так, а не иначе. И почему свекровь все называли Лия Эдуардовна, когда по паспорту та была Лидкой?

– Ох, стыдятся поди нувориши наши своего крестьянского происхождения, – догадливо кивнула Маринка, закуривая прямо в комнате Маши, где делать это категорически воспрещалось. – Поди лепят для себя родословную какую-нибудь, уже и проплатили небось за генеалогическое древо какое-нибудь! Глядишь, скоро и в собранию их примут в дворянскую. С такими-то именами, а то! А все ты! Ты виновата, Белова, со своими корнями купеческими. Молчала бы себе и молчала. А то нет вам – вот свидетельство о том, что прадед мой был купцом сибирским первой гильдии. Богатство, правда, просрали красноштаные его потомки, но вот бумажка, бумажка-то осталась. За каким хреном ты Алексу ее показала?

– А что мне еще показывать-то было, Марин? – вяло отмахнулась от нее Маша, развалившись на широком диване, обитом самым настоящим китайским шелком. – Диплом? Свидетельство о разводе? Так он сам его забирал из ЗАГСа. Семейные фотографии? Так их у меня не много.

– Да ладно! – хихикнула подруга и на дверь покосилась. – А тех, что с Веником? Тех добрая сотня наберется! Не показывала, нет?

– Да иди ты, дурочка! – Маша спрятала лицо в подушки и рассмеялась.

Веник, или Вениамин Засалкин – Засранкиным звала его всегда Маринка, – был Машиным первым мужем. Они были однокурсниками, подружились с первого курса, сразу, как приехали в этот город. Продружили до четвертого, а к началу пятого курса поженились. Веник безоговорочно взял фамилию жены.

– Конечно, лучше быть Беловым, чем Засранкиным, так ведь, Веник? – ухмылялась Маринка, провозжая молодых в ЗАГС.

– Конечно, лучше, – не спорил Вениамин. – Кто виноват, что мне в детдоме такую фамилию дали?

– Родичи твои и виноваты, подкидыш ты наш несчастный, нашли тебя в засаленной фуфайке на железнодорожных путях рядом с веником березовым. Отсюда и имечко, и фамилия у тебя такие благозвучные. Хорошо еще, что шпалкой не назвали или стрелкой!

Вениамин на нее не обижался. Он вообще был очень мягким, покладистым и не детдомовски не озлобившимся. В людях он видел только хорошее, может, ему с ними сильно везло в жизни, с людьми этими. Гадливости к мерзостям житейским не испытывал, находя им всяческие оправдания. Машу любил искренне и верно. Терпел ее дурное настроение, капризы.

Ворчал, правда, иногда, когда ее с трудоустройством заносило, но ни разу за всю их совместную двухлетнюю жизнь не поднял на нее не то что руки – голоса. Но вот удержать ее все равно не смог. Она от него сбежала, трусливо оставив записку на их расшатанном обеденном столе. Сбежала к Алексу. С Вениамином она даже не объяснилась. И всячески противилась встречам.

– А могла бы! – сердито выговаривала ей подруга, которая, невзирая на насмешки, Веника просто обожала. – Он хороший, а ты с ним так! У него ведь даже недостатков никаких нет, Машка!

Недостаток у Вениамина имелся лишь один – бедность. И это стало его диагнозом. С этим ничего уже нельзя было поделать. Как-то попытаться исправить – тоже нельзя, потому что помочь ему было некому. Это – навсегда.

Так вот именно и сказал тогда Алексей, уговаривая ее стать его женой. Нарисовал Маше безрадостную картину ее будущей жизни с мужем-неудачником и... уговорил-таки.

Гонг загудел снова. По ушам, в голову, в душу самую – тупым, оглушительным, скрежещущим гулом. Какого черта делает домработница? Почему она не открывает? Гонг прогудел еще раз и еще.

Почему нет звонка в этом доме? Самого обычного, с заурядной переливчатой трелью? У них с Веником в их квартирке на окраине, которую ему на третьем курсе выделили городские власти, как сироте, был как раз такой. И он не замолкал никогда. Толпами ходили к ним гости. Маринка так вообще поселилась на полгода в их кухне, ночуя в кресле-кровати. Съехала ближе к защите диплома, заверив их, что в ее личной жизни наметился перелом и ей теперь есть где жить.

В той квартире был звонок. И еще там бывало множество гостей, милых приятных людей, являвшихся с кучей еды, с чертежами и слабоалкогольной выпивкой. Являлись они всегда без предупредительных звонков и устных договоренностей, зная, что им всегда будут рады и они всегда ко времени.

Здесь – все не так. О встречах уговаривались заранее. К ним долго готовились. Составляли списки. Заказывали именные карточки и раскладывали их потом рядом с приборами. Все чинно, благопристойно, с размахом.

У них с Веником все сидели где попало. На их супружеском диване, на полу, на стульях, подоконнике, даже иногда вытаскивали из кухни Маринкино кресло, в котором она спала. На ходу теряли постоянно какие-то болтики, шурупчики. Кресло трещало под тяжестью сразу двух, а то и трех тел. Но оно выстояло, как ни странно. Маша подозревала, что оно до сих пор живет в кухне у ее бывшего мужа. В углу, под образами, как говорила Маринка. Образов, правда, никаких не было, образ один – душевный, да неумное изображение.

Гонг снова зазвучал, потом раздался истошный крик Алекса, испуганный клекот домработницы и следом – стук тяжелой входной двери.

Маша с силой зажмурилась. Гадать, кто нанес им визит, не стоило. Явились свекровь со своей дочкой. Шум в холле на первом этаже поднялся невообразимый. Карали теперь несчастную Соньку за нерасторопность. Маша ее пожалела, но вылезать из кровати, переодеться, спуститься вниз и заступаться за домработницу у нее не было никаких сил. Она не хотела никого видеть, а уж Танаис с Лией Эдуардовной – тем более. Они наорутся вдоволь, потом запрутся в кабинете Алекса, как бывало всегда. Потом выйдут оттуда с загадочными довольными физиономиями и вскоре отбудут восвояси. Ей удавалось избегать встреч с ними прежде, удастся избежать и теперь.

Не удалось!

Дверь их супружеской спальни с треском отлетела в сторону, впустив ее разгневанного супруга и невероятно острый солнечный луч, мгновенно распоровший полумрак комнаты и ударивший Марию прямо по глазам.

– Мари!!! Мари, в чем дело?! – завопил Алекс, останавливаясь у нее в ногах. – Скажи мне на милость, что ты теперь делаешь?!

– Я сплю, Алекс, – шепнула она, глубже зарываясь в пуховое одеяло. – Сплю...

– Спишь?! – задохнулся он негодованием. – Как?! Как ты можешь спать после всего, что случилось?!

– А я больше ничего не могу. – Маша выпростала из-под одеяла левую руку, безвольно помотала ею в воздухе. – Кроме как спать, Алекс, я ничего делать не могу. У меня просто нет сил.

– Нет, погоди! – Он одним рывком сдернул с нее одеяло, потянул ее за щиколотку. – Давай поднимайся, милочка! Эта дрянь... Эта женщина устроила нам всем проблемы, а ты собралась спать?!

– Вам всем? – Она открыла глаза и, сильно шурясь от солнечного потока, бьющего из коридорного окна, уточнила: – Я правильно поняла? Марина, погибнув, с чего-то доставила вам неприятности?

– Правильно, правильно! – Красивое лицо Алекса издало невероятная мука. – Пойми меня правильно, Мари! Мне... Нам... Нам ни к чему оказаться замешанными в скандал такого рода! Ты хотя бы представляешь, что теперь начнется?!

Она не представляла. Все самое страшное, как считала Маша, случилось еще вчера. Случилось и закончилось. Маринка выскочила на ступеньки кофейни покурить, и кто-то мерзкий, укрывшись в доме напротив кафе, выпустил ей в голову две пули. Она умерла. Страшнее этого уже ничего теперь не случится.

Что же, интересно, может такое страшное произойти с Алексом?!

– А допросы? А визиты сюда этих... Этих минцанеров! – Он нарочно издал слово, еле выпустив его сквозь стиснутые зубы. – Начнут высматривать, выспрашивать, щупать, вынюхивать! Ненавижу!!!

Он тяжело и шумно задышал, его хорошо развитая грудная клетка высоко вздымалась. Пальцы, все еще удерживающие жену за щиколотку, были холодными, будто неживыми.

– Алекс, Алекс, успокойся. – Маша поползла к нему по кровати, ей стало его дико жалко, не часто ей приходилось видеть мужа таким растерянным и до бешенства перепуганным. – Ну, мы-то тут при чем?! А ты – тем более! Мало ли кто Марину... У нее было много знакомых, личная жизнь была ключом...

– Вот! – подхватил Алекс, притягивая ее к себе и обнимая. – А я что всегда говорил! Эта женщина – нехорошая, она не годится тебе в подруги. Как жила, так и закончила – грязно, непотребно, со скандалом!

– Не надо, Алекс, прекрати.

Маша впервые за четыре года их совместной жизни высвободилась из его рук и поползла по кровати обратно к подушкам. Это был акт непослушания, оговоренный контрактом, и за нарушение этого пункта непременно следовало наказание. Странно, что Алекс не обратил на это внимания. Понаблюдал за тем, как она устраивает голову на подушках, подтягивает коленки к подбородку, кутается в легкую пижамную кофточку. То ли он пожалел ее, то ли из-за растерянности, но Алекс впервые не сделал акцента на ее поведении. Обошел кровать, присел рядышком, погладил жену по плечу.

– Мари, не надо так убиваться, пожалуйста. Ты должна быть сильной. На тебя свалится очень много всякого... Дерьма! – вдруг выпалил он с жаром. – Теперь начнется, будь уверена!!! Успокойся, пожалуйста. И... И нужно ведь что-то делать с ней...

– С кем – с ней? – хлюпнула Маша носом, от участия мужа она совсем расквасилась.

Когда Алекс с великосветского тона переходил на участливый, совершенно обыденный, принятый у нормальных людей, она становилась очень уязвимой и слабенькой. Хотелось прижаться к нему, попискивать, жмуриться и ласкаться.

– С Маринкой, с кем же еще! Я там кое-какие распоряжения отдал, но... Но я же не знаю, что нужно на нее... В чем бы она хотела... Черт! Прости меня, Мари! Прости, но нужных слов у меня нет! Короче, насчет одежды... Маринкин вкус знаешь только ты. Эй, эй, ну не надо плакать, а!

Его руки подлезли под ее тело, ловко приподняли. Маша оказалась у него на коленях и уткнула зареванное сопливое лицо ему в ключицу.

– Я все сделаю, Алекс, я все сделаю. Сейчас... Сейчас я возьму себя в руки. Только будь рядом, все время рядом, я тебя прошу.

– Конечно, милая, конечно. – Он гладил ее по волосам, чуть покачивал, будто баюкал, шептал ей на ухо что-то хорошее и поторапливал без конца.

Еще через полчаса Маша спустилась на первый этаж к неожиданным визитерам, уже немного успокоившись. Она была в черном обтягивающем платье, ее чуть припухшее, невероятно бледное лицо оттеняли крупные серьги с черным жемчугом, гладко зачесанные наверх волосы перевязаны черной атласной ленточкой. И по тому, как мгновенно вывернулись толстые губы ее золовки, она поняла, что выглядит просто превосходно.

– Даже горе тебя не способно испортить, дорогая, – вежливо заметила свекровь, прикладывая ледяными губами к Машиным щекам. – Как ты, Мари?

От ее вежливого холодного участия Маше сделалось еще горше. Она взглянула на золовку. Та, как обычно, не мигая, словно змея, рассматривала каждую складочку, каждую пуговку на ее платье, завидуя, негодуя, ненавидя Машу за ее головокружительный успех в их обществе.

– Спасибо, стараюсь, – едва кивнула она. – Татьяна, добрый день.

Не повернулся у нее сегодня язык назвать золовку этим идиотским, придуманным для надутый «пушей» важности именем, и все. И не каприз это был вовсе с ее стороны, не злой умысел. Просто вдруг захотелось простоты, и все. К тому же Маринка всегда, стараясь позлить рызанскую дуру, как они называли между собой Таньку, обращалась к ней – Татьяна.

Бесилась та, конечно, а что поделаешь?

Сейчас взбесилась тоже, даже головой не кивнула в ответ на Машино «здравствуй». Сузила бесцветные глазенки до крохотных щелей, прокашлялась. Не иначе чистила свое гадкое горло с целью озвучивания каких-нибудь мерзостей.

– Что случилось, Мари, ты можешь объяснить? – осторожно начала Татьяна.

– Марина погибла, – ответила та коротко, понимая, что главный вопрос еще прозвучит.

Она не ошиблась. Танька раздула толстые ноздри, вскочила с кресла, в которое едва вмещалась, встала, широко расставив ноги-столбы. Совершенно по-крестьянски подбоченилась.

– Почему тогда из-за твоей погибшей Маринки треплют нервы нам, ты можешь ответить?!

– Кто треплет вам нервы?

Маша едва заметно дернула губами с явным недоверием, чуть выше приподняла подбородок, сделавшись похожей на наследную принцессу. Маринка, во всяком случае, всегда утверждала, что вид у нее в такие моменты – один в один.

Перепапки с золовкой давно закалили Машу, и если бы не теперешнее горе, она даже испытала бы обычное удовлетворение от того, как Танька бесится. Бесится, негодует, а сделать ничего не может. Алекс раз и навсегда указал сестренке ее место и велел оттуда не высовываться и не пытаться как-то повлиять на уклад их семейной жизни.

– Ма, как его там, а? – Танька повернула к Лие Эдуардовне, по паспорту Лидке, некрасивое рябое лицо с раздувшимися от гнева толстыми ноздрями. – Горелов, что ли?

– Да, милая! – Свекровь будто только что об этом вспомнила, тронула кончиком указательного пальца висок, покосилась на Машу с явной обидой. – Сегодня, едва лишь рассвело, как он принялся колотить в нашу дверь, задавать странные вопросы... С чего бы это вдруг?!

– Не знаю. – Маша пожала плечами.

Она и правда не знала. Самого Горелова она помнила весьма смутно, поскольку вчера во время беседы с ним ее постоянно тошнило. Она, кажется, ботинки ему заблевала и поэтому все время стыдливо прятала глаза. Потом приехал Алекс, посадил ее в машину, снабдив фляжкой с коньяком. И все дальнейшие переговоры Алекс уже сам вел с этим Гореловым. А Маша сидела на заднем сиденье, пила коньяк и редела, размазывая по лицу тушь и сопли.

– И вопросы такие нехорошие, Мари! – чуть строже продолжила свекровь. – Как это объяснить, дорогая?!

Сколько фальши было в этих двух взрослых тетках, сколько ненужной, отвратительной фальши! Дай им волю, они бы уже добрый час гоняли Машу по дому, брызгая слюной, колотили бы ее по горбу, царапали лицо, рвали волосы и ругали бы на чем свет стоит, совсем не церемонясь в выражениях.

Они обе ненавидели Машу, люто ненавидели. Танька – за Машину красоту, за ее стремительный успех, удачливость, за умение поддерживать хорошие отношения с людьми, великолепное чувство стиля, за образованность к тому же. У самой-то Танаис только педагогический колледж в запасниках и имелся. И даже брат с его деньгами тут оказался бессилён – сестрица далее первого семестра не продвигалась, куда бы ни лезла за высшим образованием.

Свекровь ненавидела Машу за все это же самое плюс за то, что дрянная девчонка Машка «забрала» у нее ее милого Алекса. И сын не спешит больше за советом к матери, не делится с ней своими радостями, да и вообще ничем не делится! Все деньги спускает на эту дрянь!!! А он ведь может и должен им помогать, у него ведь та-а-а-кие деньги...

Все это каждым нервом чувствовала Маша. Все это каждым нервом чувствовала Маринка и, к слову, отвечала этим двум теткам взаимностью.

Все это невозможно было припорошить никакими хорошими манерами, вежливыми речами и милым обращением.

«Дорогая! Милочка! Деточка!...»

Тьфу, противные жабы!

– Он спрашивал нас о наших с тобой отношениях!!! – трагически шепнула Лия Эдуардовна.

– Да вы что? – неискренне изумилась Маша. – И что же вы?

– Что – мы?! – Обе быстро переглянулись и опустили, как по команде, головы.

– Что вы ему сказали?

– Что у нас все хорошо. У нас ведь все хорошо, Мари? – медленно выговаривая каждое слово, будто проводя урок по коррекции устной речи, проговорила свекровь.

– Разумеется, – еле заметно кивнула Маша. – Иначе и быть не может.

– Какого черта тогда этот Угорелов или Горелов, как там его, намекал на всякие гадости?! – взвилась все же Танька, оставив всю свою манерность, даже шиканье матери не возымело действия, и она продолжала визжать: – Он начал про отношения, потом плавно перешел к тому, кто и что унаследует, тварь!!! Кто ему позволил?!

– Ничего не понимаю! – Маша резко поднялась.

У нее сильно ломило в висках, хотелось выпить, подумать о том, какую одежду подобрать для мертвой подруги, и главное – не слышать, не видеть и вообще забыть об этих двух толстухах, извергающих ненависть, словно вулканическую лаву.

– Если позволите, я вас оставляю. – Она шагнула в сторону столовой, где опасно погромыхивала посудой Соня.

– Не позволю! – заорала Танька, проковыляла на своих толстенных ножищах мимо Маши и преградила ей дорогу. – Ты чего ему наговорила, сука?! Чего такого наговорила про нас с мамкой?!

Какое-то мгновение Маша рассматривала отвратительное лицо своей золовки, даже посмела заглянуть в змеиные ее глаза, попыталась, быть может, пожалеть ее и как-то понять, но ужаснулась тому, что увидела, и быстро отвела взгляд.

Диагноз был следующим: это заболевание не лечится.

– При чем тут вы вообще-то? – сморщила она лоб, не понимая, ну совсем, куда Танька клонит. – Погибла Марина. При чем тут вы с мамой, наши с вами отношения, какое-то наследство?! Погибла Марина, понимаешь?! Марина, а не я! И стреляли в нее, не в меня! Никто не промахнулся, не обознался...

– Ага! Сама об этом же подумала, да? – радостно взвизгнула Танька, когда Маша неожиданно запнулась и попятилась от нее. – Брякнула языком-то – и тут же все поняла, да, сучка?! Ну, колись давай, кому ты дорожку перешла? Любовник твой тебя заказал, да? Алексу рожки ставишь, пока он деньги зарабатывает? С гадиной своей, подружкой, по городу мотаешься целыми днями, нашли себе каждая по хахалю, да? Тот небось тебя всю целиком захотел, а ты – ни в какую? Вот он тебя и приговорил! Ты догадывалась, да, сучка? Догадывалась, потому и куртку свою норковую на Маринку напялила, да?

Маша застонала и кулем грохнулась к Танькиным ногам. Все вокруг загремело тут же, завизжало, заходило ходуном. Голос Алекса отдавал какие-то отрывистые приказания, видимо, скандал привлек его внимание, и он вышел из своего кабинета. Громко возмущалась свекровь, истерично ржала Танька, всхлипывала Соня, пытаясь влить Маше в рот воду. Но лила только за шиворот, и Маше было противно, мокро и холодно. Потом Алекс поднял ее на руки, уложил на диван, легонько пошлепал ее по щекам, позвал:

– Мари! Мари, милая, очнись! Что они тебе наговорили, Мари?! Я их сейчас же выставлю вон из дома, навсегда выставлю, только кивни! Что они тебе наговорили, милая?!

Она подняла слабую руку и помахала ею, изобразив запрещающий жест. Чуть приподнялась на локтях, устала на мужа странный плавающий взгляд и прошептала:

– Алекс, они правы, Алекс! Это не Марину, это меня хотели убить!!!

Глава 2

Вениамин Белов, в недалеком прошлом – Засалкин, сидел на деревянной скамье в коридоре перед дверью кабинета следователя и в тревожной маете рассматривал серую бумажку, наименованную непристойно и зловеще «повесткой». Вчера ему лично в руки втиснула ее почтальонша Люба.

– Чегой-то тебя вызывают-то, а, Веня? – полюбопытствовала она, принимая от него расписку. – Случилось чего?

– Не знаю, тетя Люба, – промямлил он тихо, хотя и знал, и понимал, почему его вызывают на допрос. – Может, в связи с тем, что на работе у нас кадровые перестановки?

– А-а-а, может, и так. Увольняют ведь всех без разбора, – согласно кивнула головой почтальонша и поплелась к лифту с тяжелой сумкой.

Вениамин осторожно прикрыл дверь, накинул цепочку, трижды повернул ключ в замке, привалился сутулой спиной к стене.

Из-за Марины вызывали, сообразил он тогда, ставя закорючку-подпись в квитанции. Точнее, из-за ее внезапной смерти. Машенька звонила, плакала очень и приглашала его на похороны. Он не пошел. Видеть не мог ее удачливого супруга! А он ведь тоже будет там, у следователя. Непременно будет! И будет бедную Машеньку по-хозяйски поддерживать под локоток, гладить ее по голове, а потом усадит в свою огромную дорогую машину.

Ему что, за всем этим наблюдать прикажете?! Он не мог. Не мог оставаться безучастным, хотя и лет уже прошло немало. Сколько? Правильно, четыре года прошло с тех пор, как Машенька удрала от него к этому удачливому королю бензоколонок. Богатому, красивому и чрезвычайно обеспеченному.

Он, Веня, – неудачник. Он сам о себе это знал и даже не пытался бороться. Смысл? Смысла-то не было. Вся его прежняя жизнь – подтверждение тому, что борись – не борись, а результат будет один: он снова останется в проигрыше. Зачем же тогда локти растопыривать?

– Вы – Белов?

Он даже не заметил, как дверь следовательского кабинета открылась, так глубоко задумался.

– Да, я Белов. – Вениамин неуклюже поднялся с деревянной скамьи, шагнул вперед. – Вот повестка, мне к Горелову.

– Я Горелов, проходите.

Он вошел в кабинет следом за мужчиной в штатском. Дорогом, к слову, штатском. Отличный костюм, хорошая сорочка, галстук дорогой. И пахло от Горелова вкусно. Не то что от Вениамина – свалявшейся шерстью старого свитера и дешевым кремом для ботинок.

Не любил он наряжаться. Без Машеньки вообще смысла в этом не видел.

Они расселись по своим местам. Горелов – за стол. Вениамин – на стул в центре кабинета.

Кабинет было тесным, но опрятным, хорошо отремонтированным, с неплохой мебелью. На окнах даже занавески вместо решеток. Неожиданно он почувствовал себя вполне сносно. Перестал тревожиться, ежиться и морщить лоб, что всегда случалось с ним в неприятные моменты.

Зачем ему переживать? Он ведь не причастен к смерти Марины. Он вообще ее по-своему любил. Сначала любил лишь потому, что Маша ее очень любила, и ему тоже пришлось. Потом он как-то привык к этому чувству и продолжал любить Маринку по-братски и после бегства жены.

Считал ее настоящим, цельным человечком, не испорченным и не самовлюбленным.

– Приступим... – проговорил вполголоса Горелов, начал с того, что сверил все анкетные данные, все быстро зафиксировал и спросил: – О смерти вашей общей знакомой слышали?

– Марина? Вы про ее смерть?

– Да, Марина Стефанько, ее убили неделю тому назад двумя выстрелами в голову. Убили прямо в центре города, – уточнил Горелов, внимательно наблюдая за его реакцией.

Вениамина передернуло, он вытаращил на следователя глаза. Маша таких подробностей не рассказывала. Просто сказала, что Марина трагически погибла, и все. Он тогда еще подумал, что произошла авария. А тут убийство! Два выстрела в голову!

– Это что же получается – что в нее стрелял киллер?!

Он спрятал подбородок в высокий воротник старого свитера. Его зазнобило. Всегда, когда он нервничал, его знобило. Маринка утверждала, что это у него оттого, что он в раннем детстве на рельсах перележал, перемерз и застудился. Маша сердилась и говорила, что это все глупости, что реакция на внешние раздражители у каждого человека своя. И знобит в стрессовых ситуациях многих, но ведь мало кого подбрасывают на рельсы. Она тут же готовила ему горячий чай с медом, обкладывала пластиковыми бутылками с горячей водой, укрывала одеялом. Помогало!

– Возможно, – кивнул Горелов. – Все указывает на то, что убийство носило заказной характер. Ничего не можете сказать по этому вопросу?

– Я?! – Он так удивился, что даже мерзнуть перестал, выпростав шею из воротника. – Почему я?!

– Ну, мало ли... – неопределенно протянул симпатичный мужик в дорогом костюме. – Вы вообще-то после развода поддерживали отношения с вашей бывшей женой, с ее подругой?

– С Машенькой? – У Вениамина от обиды задрожали губы. – Если честно, то после своего трусливого бегства Машенька позвонила мне лишь один раз.

– Это когда же? – заинтересовался Горелов.

– Когда приглашала на похороны Марины.

– А до этого что же, вы ни разу с ней не виделись? Не говорили? Не созванивались? И даже не пересекались нигде?! – Кажется, Горелов ему не поверил.

– Нет, – односложно ответил Вениамин, уводя взгляд к занавескам на окне – смотреть в темные глаза Горелова, которые, казалось, считывали все его мысли, было невыносимо.

– Что – нет?

– Не созванивались, и не пересекались, и не говорили, но... – Вениамин Белов тяжело вздохнул, снова пряча подбородок в растянутом воротнике свитера. – Но я видел ее.

– Когда, где?

– В городе. – Он неопределенно пожал плечами. – И не раз. Она либо с Мариной, либо с мужем была. В магазине как-то пару раз ее заметил. Потом на улице. Я шел, а они в машину усаживались.

– Не было желания окликнуть ее, выяснить отношения? – Горелов смотрел на него с сожалением. – Почему она даже не объяснила причину своего ухода? Почему у вас не возникло желания узнать эту причину?

– Зачем... Я знал эту причину и так. Услышать об этом еще и от нее было бы вдвойне тяжелее.

– То есть вы смирились с ее уходом, простили?

– Простил? Конечно, простил. Смириться? Нет, с этим смириться невозможно. И, если честно, я... – Вениамин жалко улыбнулся, вспомнив все свои глупые надежды, взлелеянные одиночеством. – Я все еще жду ее!

– Вы ждете, что она вернется?! – ахнул Горелов, с шумом выдохнул, поставил локоток на стол, упер в кулак подбородок, глянул на Белова с утроившимся сочувствием, но все же не без ехидства. – Надеетесь на то, что она бросит своего Алекса с его заправками и всем, что к этому прилагается, и вернется к вам, в вашу задрипанную хрущевку?!

– Глупо, конечно, но надеюсь. – Вениамин обиженно задрал подбородок.

Вот про «задрипанную хрущевку» – это Горелов зря, конечно. Дом свой Вениамин очень любил. Это был первый, а может, и последний дом в его жизни. Не было родительского, и воспоминаний о нем никаких не было, потому что подкидышем он был. Не было у него бабушек и дедушек, тетей и дядей, племянниц с братьями и сестрами не было тоже. У него ничего и никого не было! Его колыбелью стали рельсы, чепчиком – драный засаленный рукав старой телогрейки, крестным отцом – путевой обходчик. Потом уже появились и кровать, и шкафчик, и тапочки со штанишками, и тарелка с кашей, и чайная пара с крохотной ложечкой, но все это тоже было не его, и Вениамин всегда, с младых ногтей, об этом помнил. Все это принадлежало детскому дому, в котором он воспитывался вплоть до своего совершеннолетия. Потом был институт, куда его отправили учиться по целевому направлению как одного из самых одаренных выпускников. И там была койка в общежитии с тумбочкой. Но тоже казенная, не его. И вот на третьем курсе...

Он будет помнить вечно, до своих дней последних, как вызвал его к себе декан, долго и пространно о чем-то говорил и о чем-то расспрашивал. Он уже теперь и не помнил, о чем именно. Потом представил его сотруднику городской управы. Тот начал беседовать с ним. Что-то записывал, что-то трижды подчеркивал в своих записях. Потом встреча с ним состоялась еще раз, через пару недель, уже в самой управе, где ему и вручили ордер на квартиру, в которой он теперь живет и которую лощеный следователь посмел назвать «задрипанной хрущевкой».

«Это теперь твой дом. Твой и ничей больше! – торжественно провозгласила женщина из ЖЭКа, сопроводившая его по адресу, указанному в ордере. – Входи и обживай!»

После ее ухода он запер дверь и часа два ходил, ощупывая стены, двери, подоконники, и... плакал от счастья.

Квартира была однокомнатной и по чьим-то меркам, может, и тесноватой – всего каких-то пятьдесят квадратных метров общей площади, и окна выходили на северную сторону, и лифт часто не работал, и соседи сверху шумели порою до полуночи.

Но Вениамин был счастлив. Ему тут нравилось все. И скрип разошедшегося паркета, и то, как гудят водопроводные трубы по утрам, и как свистит ветер в щелях старых рам, и угрюмый лес на горизонте нравился тоже. Широкий длинный балкон он тут же взялся переделывать, отдирая наспех прибитые прежними жильцами деревянные рейки. Застеклил его, заработав на это на ночной разгрузке вагонов. Оштукатурил самостоятельно, выкрасил в нежный персиковый цвет. Только-только собрался заняться ремонтом в комнатах, как с головой накрыла его сумасшедшая любовь к Машеньке Беловой. Время помчалось, будто ускоренное во много раз.

Что особенно остро кололо Вениамину память за их совместные два года – это непрекращающаяся череда гостей, шум, гам, взрывы смеха, суета, горы грязной посуды, заспанная вечно Маринка в их кухне и частое раздражение Машеньки.

«Может, нам стоит попытаться пожить одним?» – заметил он как-то робко.

«Что ты имеешь в виду?» Маша рассеянно просматривала тогда газету с объявлениями, все искала себе работу, где и работать много бы не пришлось, и платили бы хорошо.

«Может, стоит заняться домом, перестать вечно зазывать гостей. Чаще бывать нам с тобой вместе, без посторонних».

«Они не посторонние! Они – наши друзья. И я их не зову, кстати! Они сами приходят в наш гостеприимный дом! Может, прикажешь не открывать им или хлопать дверью перед носом?!» Она тут же надула губы, отшвырнула газету и ушла гулять.

Она вообще очень часто гуляла одна, без него. С одной из таких вот прогулок она больше и не вернулась в его дом. Вообще не вернулась. Передала через Маринку записку, что больше не придет, и все. Маринка записку ту положила на стол.

Но дом свой Вениамин не перестал любить после ее ухода. Да, дом этот опустел без Маши. Гости почти перестали к нему заходить. Маринка съехала задолго до Машиного ухода, примерно перед своим дипломом. Пусто и тихо там стало. Но домом-то для Вениамина, его

личным домом, он быть не перестал. Как раз наоборот, он превратился со временем в его крепость, в стенах которой он и с тоской своею как-то справлялся, и с гневом. Занимал себя работой, все время что-то ломал, шпаклевал, красил, перестраивал, лепил мозаичное стекло. Даже начал потихоньку мастерить мебель, и получалось это у него превосходно. И даже, страшно сглазить, получил уже пару заказов от знакомых! И вот эти самые знакомые называли однокомнатную квартирку Вениамина шикарным домом, между прочим, а вовсе не задрипанной хрущевкой, как изволил выразиться господин Горелов.

Во всем нужен творческий подход, во всем...

– Вы все еще любите ее, Вениамин? – отвлек его от этих мыслей Горелов, поглядывая теперь уже на вызванного им человека как-то иначе, без прежней унижительной жалости.

– Почему – все еще? Я никогда не перестану ее любить, Иннокентий Иванович. Я это понял для себя раз и навсегда.

– А мужа ее наверняка ненавидите?

– Алекса? – Он опустил голову, покачал ею, хмыкнул. – А вы считаете, что у меня есть повод для уважения к этой персоне? Он увел у меня жену!

– Она это ему позволила! – возразил с чувством Горелов.

– Машенька, она... Она так запуталась в то время... Оно не было легким для нас, и...

– Понятно, конечно! – вдруг зло фыркнул Горелов. – Денег нет! Надо искать работу! Оба только что окончили институт, помощи нет ниоткуда. Полная безысходность, и тут бац – Алекс на горизонте появился. Удачливый, великолепный, обеспеченный, красивый! Не надо стараться, не надо прилагать усилия, лепить из него что-то – все уже состоялось! Нужно просто войти в эту новую жизнь, даже без примерки, и начать жить! Для них это так просто... Этим сукам поменять одну жизнь на другую – все равно что, черт побери, переобуться!!!

На последней фразе он вдруг спохватился, поняв, что сказал лишнее. Замолчал и какое-то время сердито смотрел в монитор, по которому носился, будто взбесившись, радужный шарик.

Дурацкая заставка, подумал угрюмо Горелов. Надо будет сменить. Это ведь просто, пару раз мышкой кликнуть.

Видишь, вот и заставку сменить так же просто, как бабам поменять одного мужа на другого. Сменить заставку, поменять одну пару обуви на другую, сменить мужа... Все равнозначно для этих сук!

Одна пошла гулять и не вернулась с прогулки, решила, мать ее, остаться с другим, более достойным. Вторая...

А вторая просто не вернулась с отдыха. Поехала с друзьями за город на шашлыки и не вернулась оттуда. Он был занят, и она поехала одна. Потому что ей захотелось свежего воздуха, потому что она устала его вечно ждать, потому что он ей позволил отдохнуть без него.

Идиот!!! Только теперь он понял, какой он идиот! Надо было просто запретить ей эту поездку. Просто сказать – нет! И все сложилось бы совсем иначе. А он – позволил. И она уехала. И там встретила его – мужчину, в гроб его душу мать, своей мечты! Более достойного, более удачливого, более изворотливого и хитрого. Она ведь и теперь – а Горелов точно это знал, потому что интересовался, – часто остается одна. И ничего, терпит. А все почему? А все потому, что тот – второй – хитрее Горелова. Умеет врать, изворачиваться и...

А вот способен был бы он взять и подставить своего соперника таким вот изощренным и варварским способом? Подругу своей жены, наряженную в меховую курточку жены, способен был бы убить только лишь для того, чтобы подставить тем самым соперника?

Черт! О чем он только что подумал?! Что за бред?! Нарыл версию, ничего не скажешь!

Горелов выбрался из-за стола, с грохотом отодвинув стул. Подошел к окну, сунув руки в карманы брюк. Замер так, стоя спиной к допрашиваемому. Смотреть на Белова было невоз-

можно. Аж лицевой нерв занял над верхним левым резцом, до того невозможно было смотреть на Белова.

Да, они были разными. Слишком разными. Горелов никогда не считал себя рохлей и тряпкой, коим ему виделся теперь Белов, никогда не позволил бы себе выглядеть и пахнуть так, как несло от этого увальня. Но одно их несомненно роднило.

И его самого, и того, кто терпеливо ждал теперь его вопросов, – их обоих бросили жены. Бросили гадко, подло, без всяких объяснений, без предшествующих отставке скандалов. Без записки или телефонного звонка! Просто взяли и перешагнули в другое измерение. Просто взяли и перелегли в другую постель.

Суки!!! Грязные беспринципные суки, достойные самого сурового наказания! А по тем, кому они их предпочли, вообще муки адавы маются.

– Скажите, что вы делали неделю назад днем? – Горелов указал точное время. – Что вы делали, где были, с кем?

– Надо полагать, я теперь должен позаботиться о своем алиби? – прокашлялся Белов, взглянув на Горелова.

– А вы о нем не позаботились до сих пор? – поддел тот его с ехидцей, полуобернувшись. – Когда придумывали все это, не позаботились?

– Что – все это? – Вениамин проследил за кругом, очерченным в воздухе кистью руки Горелова. – Не понимаю вас.

– Но как же, гражданин Белов! Как же вы меня не понимаете! – Он вернулся к столу, сел к нему боком, забросил ногу на ногу и с удовольствием заговорил, побалтывая в воздухе ногой в дорогом ботинке: – Вы узнали, что у вашей бывшей жены начались проблемы в семейной жизни, и решили ее вернуть – всеми правдами и неправдами. Но при этом постарались обставить все таким образом, чтобы вашего соперника не оказалось в ее поле зрения уже никогда, реши она к вам вернуться. А как это сделать? Убить его? Слишком уж рискованно. Да и кого сразу заподозрят? Конечно, вас! И тогда вы стали действовать более утонченно и издалека. Вы узнали, к примеру, что у вашего соперника существуют близкие отношения с подругой вашей жены. Это, знаете ли, запросто сейчас. Зачем кого-то искать на стороне, если есть красивая, и свободная, и под рукой подруга жены, так ведь? Так вот, этот самый Алекс завел интрижку с Мариной, подругой вашей Машеньки... Дело зашло слишком далеко, что-то, как всегда, начало их раздражать, напрягать... Пошел в дело шантаж. А вы в это время все наблюдаете! Все подмечаете! Стряпаете план! И вот когда сил терпеть у вас и у каждого из них уже не осталось, вы беретесь за осуществление самой крупной преступной комбинации в вашей жизни. Вы убиваете подругу вашей жены в тот самый момент, когда у вашего соперника нет алиби и когда на Марине надета шубка, принадлежащая вашей бывшей супруге. Чего вы тем самым добиваетесь? Вы избавляете свою Машеньку от гадкой женщины, предавшей ее. А себя – от соперника, подставив его тем самым под обвинение в убийстве. Что скажете, Вениамин Белов?

– Скажу, что вы – сумасшедший, Иннокентий Иванович! – откашлявшись, пробормотал Вениамин смущенно. Приложил руку к груди и повторил: – Простите, но это, в самом деле, кажется мне бредом сумасшедшего.

– Почему? – будто бы удивленно воскликнул Горелов, но видно было, что его что-то гложет, какой-то нехороший азарт. – Почему вам это кажется бредом? Я расследовал дела с куда более замысловатой и нелепой подоплекой. А тут как раз все мотивы налицо.

– Чушь! – Вениамин рассердился и сразу замерз. Ах, как ему не хватало теперь Машенькиной заботы, ее горячего чая с медом, теплого одеяла и ласкового шепота! – Во-первых, у них нет никаких проблем в семье. Они вполне счастливы. Маринка, она... Да она никогда в жизни не стала бы завязывать интрижку с мужем своей подруги! Она в этом смысле была святой!

– Откуда это вам известно?

– Так ведь она жила у нас на кухне долгое время, когда мы все еще были студентами. И никогда ничего такого я не замечал за ней. Хотя мы не раз с ней одни в доме оставались и...

– Ну, допустим, вы – не Алекс! – зло фыркнул Горелов, надеясь, что ударил Белова в самое больное место.

Удивительно, но тот лишь смиренно вздохнул, кивнул и пробормотал, что, конечно, их сравнивать сложно.

– И все же Марина никогда бы так не сделала. И потом! – возмутился вдруг Вениамин. – Зачем все так усложнять?! В центре города стрелять в женщину, нарядившуюся в шубку Машеньки, лишь для того, чтобы устранить соперника! Алекс-то... Господи, Алекс узнал бы Машеньку из тысячи женщин, нарядись она хоть в рубище! Это бред!

– Да, это бред, – кивнул вдруг согласно Горелов, развернулся к столу, сложил ладони перед клавиатурой, нахохлился. – Но согласитесь, тогда получается, что Марину убил тот, кто ее не узнал.

– То есть? – вздрогнул Белов.

– То есть хотели убить вашу Машеньку, а убили вместо этого ее подругу. По имеющимся у нас сведениям, в тот день на Марине была ярко-красная куртка, а на вашей бывшей жене – норковая крохотная шубка неприметного серенького цвета, – сказал так и тут же зубы стиснул, представив, сколько могла такая вот курточка неприметного цвета стоять. – Обе высокие, обе – блондинки...

– Марина осветляла волосы. Машенька – натуральная блондинка.

– Пусть так... Киллер стрелял в высокую блондинку, наряженную в норковую шубку. Подходит это под описание вашей бывшей жены?

Он в самом деле несет чушь. Причем он сам понимал это, но все равно нес эту самую чушь, и нес ее так уже целую неделю. Допрашивал Алекса, болтал ему всякую околесицу, пытаясь поймать его на неточностях. Вовремя его адвокат вступился, а то он, Горелов, договорился бы до полного маразма.

Допрашивал мать Алекса, его сестру, донимал их странными несуразными вопросами, так же надеясь на нестыковки. Теперь вот история повторяется с бывшим мужем подруги убитой. Тот же случай.

Что ему делать, интересно? Дело-то гаденькое. У погибшей знакомых и любовников наверняка было полгорода. Телефон во время выстрела пострадал. Разрешение на распечатки ее звонков и сообщений пока не получено – когда это еще случится, потом придется все отработать, на это может уйти пара месяцев, если не больше. А потерянное время – это явный проигрыш.

Погибшая нигде не работала, жила одна. Два раза в неделю к ней приходила женщина, помогала по хозяйству. У нее, кстати, стопроцентное алиби. Как раз накануне она слегла с острым колитом в больницу. Детей Марина не имела. О ее личных связях подруге ничего не известно. Не принято было у них делиться чем-то подобным.

Кто мог ее убить?! Кто мог пожелать ей смерти?! И ей ли? Вдруг убить хотели Белову? За что? Ради устрашения ее супруга? Происки его конкурентов? Глупо! Его для начала предупредили бы, поугрожали с месяц. А тот головой мотает, говорит, что все тихо с этой стороны. Да и не так велик его бизнес, чтобы жену его валить насмерть белым днем в центре города. И долгов у него нет, и врагов такого уровня нету тоже.

Вот и Белов этот – рохля, неудачник – тоже утверждает, что Машеньке его никто зла желать не мог. И что убить хотели только Марину, и никого более. А как же тогда быть с путаницей в одежде?

– Так кого же хотели убить и за что? – невольно проговорил он вслух и вопросительно уставился на Белова. – Нет никаких соображений, раз уж мои идеи вам кажутся бредом?

– Вы сказали, что стреляли два раза? – вдруг отозвался Вениамин, хотя до этого решил молчать, чтобы не злить сердитого нарядного следователя.

– Экспертиза установила, что одна пуля прошла по касательной, почти не причинив вреда, а вот второй выстрел оказался смертельным.

– А вам не кажется это странным?

– Что?

– Что киллер, профессиональный стрелок, выбравший местом для убийства центр города, промахивается, а? Это вам не кажется странным?

– Ну...

– Вот смотрите. – Белов неожиданно резво вскочил со стула и оживленно заметался по тесному кабинету, размахивая руками. Горелов даже не ожидал от него такой подвижности. Парень казался ему существом неуклюжим и медлительным. – Он в первый раз промахнулся, Марина падает, – от испуга, к примеру, и второй выстрел в этом случае не достигает цели. Что это? Провал? Провал! Стоило ли так рисковать?

– Вы к чему клоните?

– Вот к чему: убийца – не профессионал, это первое. Может, у него хорошее ружье с оптикой и все такое, но он не профессионал. Второе... Только не смейтесь надо мной!

– Не буду, – пообещал Горелов.

Он готов был послушать этого невольного, неожиданного приятеля по их общему несчастью. Может, он хоть какую-то идею ему подбросит. У самого Горелова уже плавилось все в голове от несурзности версий и нелепости мотивов.

Чего только по этому делу не нагромоздили за прошедшую с момента убийства неделю! Воровскими делами девица не промышляла. С криминалом не водилась. Да и убить ее было бы куда проще и надежнее поздним вечером, возле ее подъезда, а то и в собственной постели, чем на виду у всех. Да к тому же еще, со слов и наблюдений Белова, так непрофессионально. Был же промах, стопроцентно – был промах.

– А что, если не Машеньку и не Марину вовсе хотели убить? – неуверенно предположил Белов, останавливаясь возле стула, с которого недавно вскочил.

– А кого же?

– А кого-то еще, кто мог оказаться рядом с Мариной в тот момент.

– Кто?

– Тот, кто на этот раз остался в живых, – пожал плечами Белов и сел на стул, давая Горелову понять, что разговор на сегодня окончен.

Глава 3

– Ты всю свою жизнь будешь наступать на одни и те же грабли, девочка моя! – предрекала ей мать в далеком детстве, не раз повторяла десятилетиями позже и вот совсем недавно вспомнила о своем пророчестве вновь.

– Нельзя доверять людям, а мужчинам – особенно! – надрывалась мать, увидев ее у дверей своей квартиры с сумкой. – Когда ты научишься понимать жизнь, девочка моя! Когда ты перестанешь наступать на одни и те же грабли!!!

Прошло две недели.

Рита лежала поперек широкой кровати в спальне матери и смотрела, не мигая, в потолок. В спальне матери было холодно, сыро и противно, отопление почти не работало в этой комнате – какие-то неполадки в системе отопления. Толстое одеяло и наброшенный сверху пуховый спальный мешок не согревали так, как хотелось бы. Нос «отмерз» и щеки тоже. Нужно было подниматься и идти в кухню, откуда пахло гренками и какао. Мать суежилась с завтраком. В кухне и двух других комнатах было тепло и уютно. А вот в спальне матери – отвратительно. Не по этой ли причине мать уступила ее дочери? Может, надеялась, что, попав в подобные условия, она тут не задержится?

Уходить от мужа Рита не собиралась, конечно. Это мать решила, что она ушла раз и навсегда. Бред! Она никогда не уйдет от него, не посмеет. Ну, повздорили. Ну, хлопнул он дверью и укатил в двухнедельную деловую поездку, не поцеловав ее. Разве это причина для разрыва отношений? Нет, конечно. Завтра он возвращается, о чем послал эсэмэску на ее телефон, попросив подготовить ему смокинг к вечеру послезавтра. Рита уже сегодня соберет свои разбросанные по материной квартире вещички и вернется к себе домой. И все будет как всегда: мило, тихо, пристойно. До тех пор, пока она снова не взбунтуется.

Бунтовать, может, и не стоило вовсе. Он предупреждал ее, когда они поженились, что с ним ей будет сложно. Что у него – возраст, сложившиеся привычки, менять которые он не станет ни за что. Устоявшийся круг друзей, с которыми ей, возможно, будет неинтересно, а других он в их доме не потерпит. Что он вообще привык к послушанию и нежности, и всяческого рода гормональные взрывы и капризы Марго пусть забудет сразу же.

Она и забыла: и друзей своих, и капризы, и даже привычки свои изменила. И не было ничего такого неприятного в их совместной чинной жизни. Но вот тут и случился тот самый гормональный взрыв, о котором ее предупреждали, и она посмела ему наругать.

– На ужин приготовлю тебе телятину в маковом соусе. – Мать деловито шинковала капусту на громадной деревянной доске, пристроенной на двух табуретках. Капуста сыпалась в большой эмалированный таз, куда мать уже нарубила полведра морковки. – А еще лучше, если ты вместе со мной ее приготовишь, поучилась бы готовить заодно. Очень вкусно, говорят, и пикантно. И главное, ее теперь везде подают. Давай вместе готовить, деточка?

– Боюсь, не получится. – Рита шумно отхлебнула глоток огненного какао, откусила кусочек жареной булки.

– Что так, милая? – спокойно отреагировала мать, запустила обе руки в эмалированный таз, поворошила капусту. – Неужели на свидание идешь?

– Можно сказать и так, – уклончиво ответила Рита.

Момент, когда придется сообщить матери о ее возвращении в свой супружеский дом, она оттягивала, как могла. Последует непременно неприятное объяснение со слезами, угрозы никогда больше не пустить ее на порог. Напоминание о том, что теперешний муж дочери всего на два года младше самой ее матери. И что Рита окончательно загубила свою молодость и красоту в его мавзолее. И что никакое богатство не может идти в сравнение с молодым темпераментом, которым Ритка, дурочка, пренебрегла. Потом, если Рита замкнется в молчании,

мать распалится еще больше. Назовет ее мужа старым хрычом, вампиром, а то и импотентом, использующим ее молодость в своих корыстных похотливых целях.

– Я что, не знаю, что ли?! – причитала мать часом позже. Все прошло по обычному сценарию: мать негодовала. – Я все знаю про своих ровесников! Этот непорядочный старый хрыч, о-о-о, как же тебе не противно спать с ним в одной постели, девочка моя?! Я бы и то с ним не легла никогда, никогда!!!

Да и она почти не ложилась. Редкий день за месяц предоставлялся Рите для утех постельных. Да и то она все должна была сделать быстро и сама. У мужа не было времени, сил, ну и, соответственно, почти не было желания. Если в отведенный ей день желания у него так и не возникало, то виноватой в этом, разумеется, оказывалась она. Что-то она не так делала, что-то у нее не выходило, не получалось. Однажды, всего лишь однажды она посмела слабо возразить и только намекнула, не сказала прямо, что все дело в его преклонном возрасте. И что из этого вышло? Вышел великолепный синяк у нее под глазом, с которым она просидела дома полтора месяца.

Но тс-с-с: никто об этом не должен знать! Никто, особенно мать! Если бы она обо всем, о чем только догадывалась, узнала точно, она давно уже начала бы действовать. А в каком направлении эти «действия» происходили бы, Рита знала наверняка.

– Он унижает тебя, скандалит с тобой, уезжает! – уже чуть сбавив обороты, причитала ее родительница. – Ни разу не позвонил за прошедшие две недели, потом отослал тебе эту говенную эсэмэску, в которой указывает – подготовить ему смокинг для очередного мероприятия! Паскудник!!! Мерзкий, морщинистый паскудник!!! Не смей к нему возвращаться, слышишь! Прокляну!!!

– Ма, ну хватит. – Рита сморщилась, у нее болела голова и щипало глаза, не иначе она простыла в студеной материной спальне. – Я все равно сегодня еду домой.

– Домой! – всхлипнула мать с чувством. – Это не дом, деточка, это тюрьма! Твоя тюрьма пожизненного заключения!!! Господи, что ты натворила?..

И, забыв о тазе с нашинкованной капустой, мать ушла из кухни, плача.

Рите было ее очень жалко. А еще больше ей было жаль себя – несуразную такую. Нет, внешностью ее господь не обидел, а вот сообразительностью, житейской мудростью обделил на все сто процентов. Натворить такое!..

Где-то в глубине квартиры зазвонил домашний телефон. Мать ответила и с кем-то говорила строго и официально минут пять. Потом вошла в кухню с трубкой, сунула ее дочери и скупно пояснила:

– Тебя, непутевые!

Непутевыми мать называла группу школьных друзей Риты, которых она благополучно позабыла, выскочив замуж за «старого хрыча». Потом время от времени вспоминала, но ненадолго. Группа насчитывала пять человек, она была шестой. Ребята ее любили сильно и давно, и она отвечала им тем же. Но встречи их – по понятным причинам – стали крайне редкими.

– Алле, кто там? – спросила сиплым голосом Рита, все же она простыла, супруг разгневется и вновь начнет копать в причинах.

– Маргоша, приветик. – На трубке висела Стаська. – Есть тема, малыш!

Стаську на самом деле звали Настя, Анастасия то есть. Но со второго класса прилепили ей любящие одноклассники эту самую Стаську, так и повелось. Болтают, что и на работе ее теперь так величают, хоть она и выбилась в начальники.

Стаська была здоровенной крепкой девахой с огромными голубыми глазищами, полными губами и найдобрейшим характером. Как ей удалось при полном отсутствии подлости пробиться к власти, оставалось для всех ее друзей загадкой.

– Что за тема? – Рита притворно зевнула, пусть Стаська не думает, что она готова припрыгать куда-то по первому зову.

На самом-то деле готова она была. И пошел к черту смокинг старого хрыча мужа, завтра у нее для этого дела целый день свободен. И вернется он домой не прямо сейчас и даже не сегодня. А сегодня она запросто может провести вечер с любимыми друзьями. Матери скажет, что она домой поехала. Мужу... мужу ничего вообще не скажет! Он и не звонит ей, одно сообщение за все это время и прислал. Так что у нее совершенно нет необходимости перед ним оправдываться.

А утречком она поднимется, сядет в машинку и поедет домой. Сегодня-то, сегодня ей что делать в их огромном пустом супружеском доме?

– Ты что это зеваешь? – обиделась сразу Стаська. – Неинтересно, что ли?

– Не выпалась, – буркнула Рита.

– А-а-а, а я подумала, что не выпалась! – Подруга заржала над своей примитивной шуточкой. – Короче, давай ноги в руки – и ко мне.

– А ты не на работе?

– Нет, в отпуске я, представляешь! В самом настоящем, в первом за последние четыре года, Марго!

– Ух ты! – с завистью выпалила Рита.

У нее вроде бы не было причин для зависти. Ведь ей не приходилось вставать каждый день по будильнику, мчаться через весь город на работу, простаивая в километровых пробках. Не приходилось лишаться обеденного перерыва и выходных, когда случался аврал. И отпуска ждать она не могла, потому что она нигде, совсем нигде не работала. Она была свободна от всей этой суматохи под названием «серые рабочие будни», и оттого, наверное, все это казалось ей таким пленительным. Разнообразно-суматошным и оттого – пленительным.

Рита разучилась ценить свободное время, потому что вся ее жизнь теперь состояла сплошь из свободного времени. И как убить его, чем заполнить, чтобы не звенело в башке от пустоты, она абсолютно не представляла.

– Приедешь? – тут же, без перехода, спросила Стаська.

– Когда?

– Прямо сейчас! Лесик уже тут, Нинка будет через час-полтора, – начала перечислять Стаська. – Ей надо детей забрать из садика и сплавить свекрови.

– А мужа куда она сплавит?

– А муж у нее – просто умница, он велел жене развлечься. Главное, чтобы ребенки были в надежных руках и при бдительном оке, – хохотнула подруга. – Валек не может, он в командировке. А вот Игоша...

Игорь Мельников, самый удачливый, самый из всех ребят привлекательный и самый глубоко и безнадежно влюбленный в Риту, был единственным, кого ей теперь не очень-то хотелось видеть. Последняя их встреча, состоявшаяся не так давно, как раз когда она позволила себе взбрыкнуть в отношениях с мужем, закончилась двумя глубокими царапинами на Игошиной спине, оторванной пуговицей на ее блузке и Нинкиными разорванными колготками, когда та полезла их разнимать. Они не дрались, нет. Они просто не поняли друг друга, так объяснила им потом – протрезвевшим – Нина. Игоша Риткины призывные улыбки понял по-своему, ну, и полез на нее. Она же ничего такого и не имела в виду, а просто пьяно улыбалась, поэтому он и получил по морде. Разозлился, понятное дело, натиска не ослабил, а как раз наоборот, ну, и понеслось.

– И что Игоша?

Риту передернуло: лечь с лучшим другом в постель она не собиралась никогда, считая это почти инцестом. Странно, если он на что-то надеется до сих пор. Сколько уже времени прошло со школы!

– Он будет. Но попросил заранее тебя предупредить.

– О чем?

– Он явится не один.

– Ой, да ну и ладно! – рассмеялась она с облегчением. – А с кем? Человек-то надежный?

– Девочка в норме, из его лаборатории. Но они тоже приедут позже. А пока нам втроем придется отдуваться.

– В смысле?

Рита пошла из кухни в спальню матери, где стояла сумка с ее вещами. Начала выбрасывать из нее джинсы, юбки, кофточки, жилетки. Что-то еще валялось на стульях, креслах, на диване в гостиной. Что-то надо надеть сегодня такое... особенное. Игоша непременно шепнет своей новой пассии, что вот, мол, сидит напротив девушка, к которой он когда-то питал чувства, и все такое. Та станет весь вечер на Риту пялиться, сравнивать ее с собой. Нельзя же допустить, чтобы сравнение оказалось в пользу «нормальной девчонки» из лаборатории Игоря! Хотя он сам и не нужен ей совершенно, но уступать его новой пассии в сравнительном анализе их внешних данных Рита не собиралась.

Оделась она уже через полчаса, успев к тому же прекрасно уложить волосы, чуть подкраситься и уложить все вещи в сумки.

– Не пущу! – вдруг встала у порога мать, раскинув крестом руки. Всхлипнула и повторила с чувством: – Не пущу!

– Ты чего, ма? – Рита неуверенно остановилась, не решаясь оттеснить мать с дороги. – Я же домой.

– Нет у тебя дома, кроме этого, детка! И у меня никого нет, кроме тебя! – Крупные слезы вдруг потекли по лицу матери, что случалось с ней крайне редко, последний раз она так горько плакала в день второй Ритиной свадьбы. – Болит у меня душа за тебя, Риточка! Так болит, так болит, что дышать тяжело! Не ходи, не ходи, прошу тебя!

– Ма, но... Но я же замужем, и...

– Я что, не знаю, куда ты собралась?! – вдруг взвилась мать и резко пихнула Риту в грудь, отталкивая дочь от двери. – Позвонила эта толстуха, и ты тут же засобиралась! Ты ведь вечером хотела уйти домой, не так? Так! А тут звонит эта непутевая, и ты сразу за сумки схватилась! Не пущу!!!

Из квартиры Рита еле вырвалась. Уговоры не помогли, пришлось прорываться к двери с боем, грубить, отталкивать ее. Усаживаясь в машину, Рита подняла глаза к окнам. Мать торчала за тюлевой занавеской, вздрагивая всем телом – плакала. На душе у Риты сделалось так погано, что хоть поворачивай обратно. Но что бы это решило? Ничего! Принесло бы ложное успокоение на час-другой, и только. В дом своего мужа все равно ей возвращаться пришлось бы, даже если она и не поехала бы на вечеринку к подруге. А туда мать тоже не пустила бы ее и снова плакала бы. Тяжело с ней.

Рита медленно ехала по городу, старательно объезжая лужи, машину она вымыла только вчера, не хотелось особенно уж ее изгваздать, вдруг завтра не удастся вымыть? Мало ли, времени вдруг не окажется или обстоятельства сложатся не в ее пользу. Или проспит она у Стаськи слишком долго. А супруг снова занудит, снова спрашивать примется: а куда ездила, а где так машину грязью заляпала, а с кем ездила, а по какой причине ездила? Ему же не докажешь, что сегодня утром лил дождь, что и в городе на дорогах может быть грязно. И что если даже дождь шел всего лишь полчаса, машину все равно он урызгал по самую крышу. Ему не докажешь. У него ведь своя правда, свое видение жизни. Единственно верное, как он полагает.

Как же все надоело, если честно! Может, стоит его послать куда подальше? Просто сказать: а не пошел бы ты со своими сложившимися привычками! Потом собрать вещи, хлопнуть дверью и...

И вот тут-то и начнется самое интересное. Послать-то она может его, и даже сумеет. И даже вид при этом примет весьма гордый и независимый, но вот вещи собрать – это нет. И дверью хлопнуть – тоже нет. Это ей не позволено.

Уйдет, если только он ей это разрешит, а на такое надеяться – тупой быть. И если даже и позволит, то уйдет она от него в том, в чем пришла. А пришла она, если вспомнить, в купальнике и легком льняном сарафане, накинутом прямо на мокрое после купания тело.

Все это ее немудреное летнее добро было домработницей выстирано и выглажено. Упаковано в пластиковый пакет и хранится на верхней полке ее шкафа.

– Не стоит от этого избавляться, – остановил тогда ее супруг домработницу, когда та намеревалась выбросить пластиковый узелок с ее пожитками. – Вдруг понадобится...

Риту тогда будто кто-то по голой спине хлыстом стеганул, отрезвил и место ее ей указал. И, вперив вопросительный взгляд в морщинистую переносицу супруга, она попросила объяснений.

Они не заставили себя ждать. Были лаконичными и всеобъемлющими:

– Уйдешь, в чем пришла, дорогая.

И нельзя ей взять с собой из этого мавзолея ни курточек, ни шубок, ни украшений с джинсами от-кутю и сапожками ручной работы. Ничего, чему так откровенно и с аппетитом она радовалась первое время.

Большая черная машина Лесика припарковалась рядом со Стаськиной «букашкой». Грязной она была до невозможности. Понятное дело, Лесику не придется объясняться с супругой по поводу заляпанных автомобильных дверец и окон. Он был хозяином положения и жизни самой. Он был хозяином! И у него на верхней полке шкафа не покоилось выходное пособие, упакованное в пластиковый пакетик.

Вообще-то Лесик – не их одноклассник, он старше их всех, но как-то так получилось, что он прибил к их компании на каком-то празднике да так и остался. Давно, кстати, прибил, уже и не вспомнить когда, и подружился с ними со всеми раз и навсегда. Никогда ни к кому из девочек не приставал, симпатий и притязаний, в отличие от Игоши, никому не высказывал. К мальчикам – тьфу-тьфу, как бы не сглазить, – тоже. Дружил хорошо и основательно, хотя в свою личную жизнь пускал не очень-то охотно. О себе рассказывал очень скупое. Будто был он женат, детей нет. Какой-то бизнес вел, и вроде успешно. Это уже Валек сплетничал. Сам Лесик не трывдел о своих успехах. Но они и сами, без него, догадывались, что дела у Лесика идут в гору. Одет прилично, запонки – и те из драгметаллов, машины меняет часто, поляну накрывает на две трети от общих расходов.

Все у него было хорошо. Он даже в будний день мог позволить себе забросить все и явиться на встречу с друзьями, попойнствовать.

– О-о-о!!! Маргоша!!! Солнце, дай я тебя расцелую!!! Ум-м-м, ум-м-м какой сладенький, какой славенький!!!

Лесик встретил Риту у порога, уже изрядно накачавшийся. Стащил тут же с нее меховую курточку, отобрал сумку с бутылками и закуской, швырнул все куда-то, обнял ее, притиснул к себе, начал тыкаться в нее влажными губами куда ни попадя и пьяно приговаривать:

– Какой хороший малыш! Какой славенький!!! Ум-м-м, как пахнет! Идем! Идем, там Стаська такие чебуреки забабахала, что просто умереть можно...

Вообще-то, Рита придерживалась диеты, пусть и не излишне строгой, но такие вещи, как мясо с тестом, пельмени с майонезом, жареную картошку на свином сале, в обыденной жизни она себе не позволяла никогда. Но то – в обыденной жизни. В той, что не имела ничего общего с жизнью, царившей на Стаськиной кухне. Здесь готовилось и елось все! Здесь могли за один присест запросто выхлебать пятилитровую кастрюлю борща с чесночными пампушками. Могли в мгновение ока распотрошить рыбный балык, разодрать в клочья запеченную утку. С тем же успехом умели уплетать за обе щеки всякие «запарики», наматывая на вилку длинную китайскую лапшу.

У Стаськи в кухне было вкусно и съедобно все.

– Явилась, Марго? – Подруга, перепоясанная громадным фартуком в яркую синюю клетку, обернулась от плиты, занятой сразу тремя сковородками. – Присаживайся. Лесик, пива даме!..

Потом они пили пиво, много пива. Ели невероятные по размеру и сочности чебуреки. Снова пили, звонили без конца кому-то, хохотали до упаду, вспоминали. Разгадывали какие-то невообразимо сложные шарады и ребусы, разложенные Лесиком на столе. Причем шарады эти были из вполне реальной жизни, казавшиеся Рите чем-то до боли знакомым, что часто ей вспоминалось.

Снова пили, ждали Нинку и Игошу с его новой пассией, обнаруженную им на дне пробирки в его заумной лаборатории. Это Лесик так злословил, не Рита. Стаська подхихикивала и все больше помалкивала сегодня. При этом она как-то странно смотрела на Лесика, выглядевшего даже не на миллион, а на все сто миллионов долларов! Это уже, кажется, Рита так о нем сказала. Так вот, Стаська без конца таращила на Лесика свои голубые глазищи и с воодушевлением облизывала полные губы здоровенным языком. И как он у нее во рту, интересно, помещается, подумала в какой-то момент Рита. Такой огромный, прямо как у овчарки! И отчего она без конца на Лесика пялится? Влюбилась, что ли?

Когда она вдруг спросила об этом у самой Стаськи, в кухне повисла тишина. Эта самая тишина показалась ей такой гнетущей и оглушительной, что Рита зажмурилась и головой замотала.

– Чего вы, ну?! – Распахнув глаза, она увидела, что они еще таращат на нее свои пьяные глазищи. – Я же пошутила!

– Шутки у тебя, мать, скажу я тебе, – обиженно вывернула нижнюю губу Стаська и тут же подтолкнула к ней наполовину наполненный пивом пол-литровый бокал. – Пей лучше, если тебе скучно!

– А еще лучше, пойдешь приляг, – подсказал вдруг Лесик, показавшийся теперь Рите абсолютно трезвым и чрезвычайно надменным. – Пока Нина с Игошей явятся, ты как раз отойдешь. Негоже тебе перед его девушкой представлять в таком состоянии.

Это Риту подстегнуло, и, поддерживаемая с обеих сторон заботливыми друзьями, она отправилась отдыхать в Стаськину спальню. Они прикрыли дверь, но она все равно слышала, как они долго о чем-то шептались. Потом Лесик выругался и, кажется, ушел. Входная дверь – а это точно была входная дверь – с лязганьем хлопнула. Все утихло, Рита задремала. А может, и не дремала она вовсе, а просто лежала с закрытыми глазами, переваривая хмель и собственную глупость. Ей не стоило приходить сюда. Не следовало так напиваться, и подруге она нагрубилась зря. Может, та и сохнет по Лесику, но это совсем не Ритино дело... Сквозь полудрему и ее невеселые мысли пробился какой-то странный звук. И негромкий будто, но все же ощутимый. Потом – еще и еще. Кажется, дверь спальни подруги открылась, и кто-то шагнул внутрь. Но Риту он не позвал по имени. Просто стоял на пороге и смотрел на нее. Внутри у нее все похолодело. Это наверняка Игоша явился раньше назначенного им же самим времени и рассматривает ее теперь – пьяную, растрепанную, жалкую. Рита решила: она не обнаружит перед ним, что она не спит, и крепче сжала веки.

Наблюдающий за ней человек не уходил. Он чуть прикрыл дверь, чтобы свет не бил Рите в глаза, и медленно двинулся к кровати.

Начнет снова приставать, как в прошлый раз, – дам в глаз, решила она. Притащил с собой девку, а все равно к ней решил прилипнуть? Не получится! Она не имеет права. Злосчастное напоминание о ее правах каждый раз мозолило ей глаза с верхней полки, стоило ей открыть дверцу шкафа.

Вошедший в спальню человек дошел наконец до кровати и тяжело опустился на самый ее краешек. Рита старательно контролировала дыхание, грудь ее вздымалась медленно и методично.

Не обнаруживать себя! Не дать ему понять, что она не спит! никоим образом не позволить втянуть себя в очередное объяснение!

В ее оголенное запястье уперся холодный палец и медленно пополз вверх по руке. Достиг локтевого сгиба и чуть сжал, потом ладонью легонько пошлепал.

Ну конечно, это Игоша! Чьи же еще это выходки! Ну, идиотище величайших размеров, а! Пора его остановить. Не остановит – и его наглые пальцы полезут еще выше по ее руке, найдут под одеялом плечо, ключицу, и...

Последнее, о чем она успела подумать, прежде чем на лицо ей улеглась подушка, – что прикосновение чужой руки к ее оголенной коже кажется немного странноватым. Такое ощущение, что это не голые пальцы. Неужели Игоша, переступив порог дома их общей подруги, даже не снял перчатки?..

Глава 4

– Здорово, Кент! – хохотнул ему на ухо брат, позвонив в единственный его выходной в половине восьмого утра. – Как делищи?

Кентом звал его только Сева, отобрав от полного имени Иннокентий удобоваримый для его слуха слог. И только Сева мог позвонить Горелову в полвосьмого утра, чтобы потрепаться ни о чем вообще и обо всем сразу. И только ему, к слову, Горелов это мог простить. Брат всегда звонил не просто так, а по какой-либо причине. Либо он сильно соскучился, и у него закончились деньги. Либо у него закончились деньги, и он сильно соскучился. Горелов тоже скучал по Севе, но, в отличие от него, своими средствами распорядился более умело.

Тут следует уточнить, что средства эти были не совсем его. Было два депозитных счета, оставленные родителями братьям в наследство. На каждом покоилась приличная сумма денег, которыми они не вправе были распорядиться до дня своего сорокалетия, но имели полную возможность пользоваться процентами. Так вот, Иннокентию этих процентов с зарплатой хватало за глаза, даже еще и оставалось. А вот Севе...

– Привет, Севка, – прошептал на выдохе Горелов, приоткрыл глаза, покосился на бугорок под одеялом слева от себя. – Что опять?

– Почему сразу – опять? Ну, вот что – опять? – затянул, обидевшись, Сева. – Если намекаешь на деньги, то ты – последний засранец!

– Отчего это вдруг? – Горелов оглушительно, с треском за ушами зевнул. Слева от него завозились. – Что, так вот прямо и деньги тебе не нужны?

– Деньги нужны всегда, – сразу сбавил обороты брат и, судя по голосу, улыбнулся. – У меня еще остались, но, если ты намекаешь на то, чтобы поделиться, я не против вовсе и...

– Ох, господи! – простонал Иннокентий, переворачиваясь с бока на спину и нашаривая свободной рукой пульт от телевизора. Сонное сопение слева тут же прекратилось, из-под одеяла выпростались две изящные ручки, взметнулись вверх, потянулись. Он недовольно поморщился, но разговор с братом не свернул. – Завелся! Почему в такую рань? Соскучился или как?

– Я всегда по тебе скучаю, Кеша, – неожиданно мягким, непривычным для него голосом мяукнул брат. И назвал-то Горелова иначе! – Ты это знаешь. Но тут такое дело...

– Сколько? – В груди ворохнулась застарелая боль, поселившаяся там со дня смерти родителей, и пошло – заныло, заныло по всему телу. – Сева, не стесняйся, если тебе правда нужны деньги, я готов помочь. Ты же знаешь!

– Знаю, – перебил его брат все таким же не похожим на прежний, услужливым каким-то голосом. – Но денег мне не надо, Кеша. Я по делу звоню, правда. По важному делу... Ты это... Тут такое дело... Не знаю, как и сказать...

– Только не говори, что ты гей и завтра у тебя с твоим парнем бракосочетание, на котором я должен присутствовать, – фыркнул Горелов. – Все равно я не пойду, ты же знаешь!

– Да иди ты! – заржал Сева, оценив шутку. – Все мои парни давно замужем!

Братья дружно засмеялись. Одеяло слева тут же отлетело в сторону, и на Горелова глянули два заспанных недовольных глаза. И следом пухлые губы, разомкнувшись, выпустили на волю острый язычок.

А и пускай себе, ему-то что.

– Так что там, брат мой Севка, у тебя на этот раз?

– Слушай... – растягивая гласные, снова заканючил брат. – Тебе твоя бывшая теща давно не звонила?

– А что? – Иннокентий сморщился.

Бывшая теща звонила ему сегодня ночью на мобильный четырежды. Слава богу, номер его домашнего телефона она не знала, иначе оборвала бы и его. Со звонками на мобильный Горелов справился без проблем, убрав звук до минимума.

Странные дела творились, ёлки-палки! Странные дела творились с этой странной женщиной, состоявшей когда-то с ним в родстве. Всякий раз, как у ее девочки возникали проблемы, она считала своим долгом поставить в известность не кого-нибудь, а именно его – Горелова. Не ее теперешнего мужа, не его многочисленную родню, не ее друзей, нет – а именно его. И полагала, что именно он должен нести ответственность за все неприятности, преследовавшие его бедную девочку.

«Понимаете, я ее бывший муж! Бывший!!!» – не раз пытался он вразумить бестолковую бывшую родственницу.

Бесполезно! Она все равно продолжала ему названивать. И тогда, отчаявшись ее вразумить, Горелов просто перестал отвечать на эти звонки. Сегодня ночью он вообще был занят важным и ответственным делом. У него случилась гостья. Они случались у него периодически, конечно, он же молодой, здоровый мужик. Вот и сегодняшняя ночь не стала исключением.

В основном его гости были Заями, Кисками и Лапулями. Зачем ему имена? Все равно забудет. А то и перепутает. Так-то куда проще. Но так как-то получилось, что у той, что показывала ему теперь язык и недовольно хмурила бровки, имелось имя. Звали ее... Черт, кажется, Юлька? Точно, Юлька. И в постели его она побывала уже трижды.

– Давно звонила? – упрямо повторил свой вопрос Сева, отвлекая его от недовольной дамы слева по борту.

– Ночью сегодня звонила.

– И что говорила?

– Не знаю. Я не отвечал на звонки.

– Да-а-а, – разочарованно протянул Сева и вздохнул глубоко и протяжно. – Значит, ты ничего, совсем ничего не знаешь?

– О том, что у ее девочки очередные проблемы? – с ехидцей поинтересовался Иннокентий, и тут же слева что-то зашипело, задвигалось под одеялом. – Так это не новость. Проблемы у ее девочки с головой, видимо, раз она периодически попадает в неприятные истории. Замуж вон второй раз как неприятно-то попала!

Тут он улыбнулся – мстительно улыбнулся, злорадно, вспомнив недавнюю сплетню о том, что его бывшую ее теперешний держит едва ли не на цепи. И что в зубы она якобы регулярно от него получает, хотя в это он не верил, считал брехней. И место в своем углу в огромном доме мужа знает. И вообще, живет там даже не на птичьих правах, а на правах стрекозы, которую в любой момент можно прихлопнуть ладонью. И, что странно, не жаль ему было ее вовсе. Поделом ей, решил он тогда.

Ишь ты, даже объясниться с ним не захотела, дрянь! Просто уехала на отдых – и не вернулась оттуда! Получай теперь.

– Да, Кеша, девочка в самом деле дурно поступила с тобой, – проямлил севшим голосом Сева. – Но она же просто струсила...

– Да ну?! – Горелов тут же взвился, аж из кровати выскочил и принялся носиться в одних трусах по квартире, благо побегать тут было где. – Просто струсила, улегшись в чужую постель! И просто струсила, не объяснив мне потом причину своего поступка! А по мне, такое дело б... м называется! Ты не находишь, что я прав, братец?!

– Прекрати сквернословить и носиться как ненормальный, по дому, – попросил его Сева.

– Откуда ты знаешь? – Горелов от неожиданности встал столбом у входной двери, взглянул на себя в большое зеркало, занимавшее половину стены прихожей.

– Дышишь тяжело, дорогой. И злишься. Да, она, может, и не очень хорошо поступила с тобой, но уж точно не заслужила того, что...

– Она заслужила то, что заслужила! За что боролась, на то и напоролась! И с тещей я своей бывшей говорить никогда больше не стану! – отрубил сплеча Горелов, наблюдая за собой в зеркале.

Высокий, поджарый, интересный лицом, мускулистый – все в нем имелось для того, чтобы нравиться бабам. И он им нравился, черт побери! Юлька полночи стонала в его объятиях и всякие милые вещи ему на ухо нашептывала.

С чего же тогда одна-единственная его бросила? С глупой башки своей? Или в нем все же что-то не так? Но никто же, никто из его милых постельных девчонок не видел в нем изъянов! Может, Ритка просто зажралась, а?

– Придется, Кеша, придется тебе поговорить с ней. Потому что я... Я с ней уже говорил. И вообще, я теперь у нее, – выпалил быстро-быстро, чтобы брат снова не успел перебить его, Сева.

– С какой такой стати?! – опешил Горелов и отвернулся от зеркала, так и не обнаружив в себе никаких изъянов.

– Утешаю!

– Утешаешь? Что-то я не понял, это шутка у тебя такая, Севка? С какой стати ты утешаешь мою бывшую тещу?

– С той, что сегодня ночью она потеряла свою дочь, братец, – и он выдохнул с облегчением, пробормотав: – Слава богу, сказал!

– Что сказал? – Иннокентий снова посмотрел на себя в зеркало, и увиденное его тут же сильно разочаровало.

Да полно, полно в нем недостатков! Вон и плечи обмякли, и спина сгорбилась, и колени подогнулись, а под глазами залегли тени. Это он себя «держать» перестал или то, что сказал Севка, в момент его так скукожило?! А может, его бывшая постоянно эту слабость в нем наблюдала, потому и сбежала от него к другому? Что братец о ней только что сказал? Нет, он сказал, что его бывшая теща потеряла сегодня ночью свою дочь. А у его бывшей тещи была единственная дочь – это его бывшая теперь жена. Так что же это получается? Что, черт возьми, получается?! Он что такое мелет?!

– Сева... – Иннокентий медленно двинулся в гостиную, задевая углы голыми боками и плечами. – Ты что сказал про Риту?! Я тебя правильно понял?

– Да, брат, думаю, да. Твоя теща позвонила мне среди ночи, вся в слезах, и попросила приехать. Потому что ей больше не к кому было обратиться, ты на звонки не отвечал. Я и поехал. А потом мы вдвоем отправились в морг, куда ее уже привезли.

– Кого?! – тупо переспросил Горелов, хотя прекрасно понял, кого именно.

Но он все еще на что-то надеялся, на какую-то каламбурную путаницу в Севкиных словах. На глупый злой розыгрыш. Пусть даже на пакость с его стороны, но...

Но чудес-то не бывает. И брат это тут же подтвердил:

– Риту привезли в морг. Друзья вызвали милицию, врачей, но было поздно. Они погибли обе – от передоза.

– Что-о?! – вот тут он едва не упал.

Точно-точно, никакое это не преувеличение. Он и впрямь едва не упал, спасибо, ухватился за край стола в гостиной, иначе рухнул бы мордой в пол. Хорош бы он был завтра на работе – с расквашенным лбом, носом и подбородком! Господи, о чем это он? Ритка в морге! Сева говорит, что это так, а он не соврал бы так жестоко и глупо. Она померла, померла – от передозировки? Глупость-то какая несусветная. Она презирала наркотики, всегда, даже лекарства не принимала. Выпить – да, это могла. Но вот наркотики...

Хотя времени прошло достаточно для того, чтобы она изменила саму себя и свои взгляды. Очень уж была неуравновешенной и непостоянной особой его бывшая жена... Севка сказал – обе? Обе – это кто?!

– Ее подруга. Твоя теща говорит – она непутевая.

– А, у нее все непутевые, кроме ее дочки! – перебил Горелов и заторопил Севу: – Имя, имя у подруги есть? Я ее друзей знаю. С их молчаливого согласия и благословения Ритка от меня и сбежала. Ну?

– Кажется, Анастасия. Они ее еще как-то странно звали между собой.

– Стаська! – ахнул Горелов и замотал головой, зажмурившись. – Это бред! Это чушь собачья, Севка! Стаська была единственной из них настоящей и умницей, каких поискать! Она не могла... Да как, вообще, это все произошло-то?! Муж-то Риткин, муж где? Куда он смотрел, урод старый?!

Оказалось, что теперешний муж его бывшей жены только сегодня поздно вечером или завтра рано утром должен вернуться из деловой поездки. И он вообще еще не знает о гибели своей молодой жены. Вот, воспользовавшись его отсутствием, Рита и решила провести вечер у подруги.

– Понятно... – Горелов задумался. – Слышь, Севка, они всегда вшестером собирались, это я знаю точно. Как такое могло случиться, что две женщины из всех присутствующих вкатили себе лошадиную дозу наркоты?! Остальные что, в это время молча наблюдали, так, что ли? Или там все вповалку обдолбанными были?

– Остальные пришли позже, – угрюмо пояснил Сева. – Они-то и обнаружили подруг в одной койке, совершенно голых, с перетянутыми жгутом руками. Они и вызвали милицию и врачей.

– Это уже вообще ни в какие ворота! – с истеричным смешком воскликнул Иннокентий, шлепая себя по голому боку. И закружился на одном месте, как медведь, которого донимают пчелы. – Так, так, так... В каком районе жила Анастасия? Кто дело поведет? Не знаешь? Черт! Никаких телефонов тебе моя бывшая родственница не давала?

Сева быстро продиктовал телефон дежурной части, оказалось, что это телефон их отдела, и Горелов тут же засобирался. Что же ему, в телевизор тарашиться или на прогулку выходить с несуществующей собачкой, и уж точно, не с Юлькой сегодняшней день проводить, когда его бывшую жену, его Ритку...

Эх, дуреха! Эх, дурочка ненормальная! Куда же ты влипла-то со своей подружкой? Или это подружка влипла и тебя втянула? Чем Стаська в последнее время занималась? Где работала? Прежнее ее место работы Горелов помнил, но она могла уйти оттуда. Если ушла, то куда?

Отключив телефон, он вернулся в спальню. Юлька лежала голышом, стиснув одеяло, поперек кровати. Красивое, юное совсем еще тело. Загорелое – целиком, от пяток до мозжечка. Помешались все на этих соляриях.

– Вставай, Зая! – приказал Горелов, нависнув над девушкой.

Он нарочно не назвал ее по имени, задвигая тем самым все ее планы насчет него в самый дальний, медвежий угол. Пусть не мечтает ни о чем таком и планов никаких не строит. Начала, понимаешь, ночью осторожненько так прощупывать его. А отчего он с женой развелся? А почему у них детей не было? А кто конкретно не хотел их иметь? А кого он именно хотел бы, мальчика или девочку? Он еле удержался, чтобы не наорать на нее.

– Зая, вставай! – повторил Горелов, рассматривая ее загорелую попку.

Почему-то именно эта попка его раздражала сегодня особенно остро. Не выдержал, спросил:

– Ты что же, догола в солярии раздеваешься?

– Да, а что? – Юлька резво развернулась, изогнулась с ленивой грацией, получилось у нее это здорово. – Арестуешь меня за это? Ну, арестуйте меня, арестуйте, гражданин начальник!

– Уходи. – Горелов чуть не отпрыгнул от кровати, когда ее руки потянулись к его трусам. – Уходи, мне некогда! Мне на работу нужно.

– У тебя же выходной, – не поверила Юлька, но ножки с разведенными коленочками с кровати послушно свесила.

И так это у нее снова получилось мастерски, что у Горелова аж в висках застучало. Не нужно было ее имя спрашивать, черт побери! Не нужно! Третий или четвертый раз она у него, а он уже почти не хочет, чтобы она уходила. Почти...

В отдел он ворвался на такой скорости, что перепугал дежурного.

– Вася, Вася, да погоди ты с журналом! – рявкнул на него Горелов. – Кто будет вести... Кому отдали дело по двум ночным трупам?

– Вы про наркоманов, что ли? – выдохнул расслабившийся Вася. – Так я не знаю пока. У начальника вашего все документы. Кстати, он почему-то о вас сегодня с самого утра дважды спрашивал.

– Вася, ну! – завопил Горелов. – А почему я только сейчас об этом узнаю, а?!

– Потому что я ему в первый раз сказал, что вы на выходном, он покивал и ушел. Сказал, что вызывать не нужно. Потом, видимо, забыл и снова спросил. Я опять ему напоминаю, что вы на выходном. Он снова покивал и пошел себе.

– Ладно...

Горелов махнул рукой и помчался вверх по лестнице, к начальству.

Тот сидел вполоборота к двери и задумчиво наблюдал за чем-то за окном. Горелов тоже туда глянул, но ничего, кроме жидко-серого бездонного провала за стеклом, не увидел. Нет, не все: серую муть оконного прямоугольника пересекали параллели высоковольтных проводов. И это – уже все!

– Добрый день, Валерий Иванович, – кашлянул на пороге Горелов и шагнул в кабинет. – Слышал, вы меня с утра спрашивали? Разрешите?

– Откуда слышал? – не поворачиваясь, спросил Валерий Иванович Сизых, моложавый краснощекий мужик, из бывших военных, крутой на расправу на службе и мягкотелый в быту. Болтали, что его дочери веревки из него выют, а жена будто им помогает. – Сорока на хвосте принесла?

– Да нет, в дежурной части сказали, когда я пришел.

– А зашел зачем? – Краснощекое лицо повернулось в сторону Горелова, подбородок слегка пошел вниз. – Здорово, Горелов. Чего, спрашиваю, приперся в выходной-то?

– Так это... – Горелов думал всего лишь одно мгновение.

Врать смысла нет, Сизых обладал невероятным чутьем на вранье, подонков и преступников на «раз» вычислял в толпе подозреваемых. Говаривал, что это самое чутье сберегло его в одной очень горячей точке, помогло не только выжить, но и от судейского беспредела уйти.

– Тут беда, Валерий Иванович, с моей бывшей приключилась.

– Да ну! – с ленивым изумлением воскликнул Сизых и неохотно зашарил по поверхности стола, разгребая в сторону бумаги. – Это которая же твоя бывшая? Тут вот у нас один наезд с летальным; потом сработало самопальное взрывное устройство на пустыре – какие-то придурки бросили его в костер. Но там малолетки, твоя не подходит. Что, неужели одна из тех двух, обширившихся?

Все он знал, все ему уже доложили, а что не доложили, Сизых сам выведал. О чем не узнал, о том догадался. Но первоисточник-то вернее, вот он и спрашивает у Горелова.

– Одна из них – моя. Маргарита... Маргарита Горелова. – Фамилию в новом замужестве его бывшая менять не стала, это Иннокентий точно знал.

– Это которая?

Сизых наморщил лоб, сведя брови, будто вспомнить пытался. Но вспомнить-то он не мог, вот в чем дело, Риту он не знал и не видел ее никогда. И это Горелова особенно насторожило. На опознание Сизых не ездил, было кому, кроме него. Что же тогда это за комедия?

– Блондиночка такая, высокая, с длинными ножками, попка краником, так? – будто вспомнив, шлепнул Сизых ладонью себя по лбу. – А я и думаю, что-то знакомое такое мелькает... Не пойму... Думаю, чья она может быть... Ты садись, садись, Горелов.

Бормотал, будто про себя, а руками по столу не переставая сучил: найдет бумажку, отбросит, снова возьмет в руки, но уже другую.

Горелову все это надоело уже через пару минут. Он снова кашлянул, взглянул на начальника:

– Можно, Валерий Иванович, я это дело возьму?

– А? – Тот покосился исподлобья, удивленно, словно само присутствие в кабинете Горелова его удивило. – Какое дело, Кеша?

– Ну, смерть моей бывшей...

– Так какое дело, если девки не рассчитали дозу?! Прыгнули голышом в койку, ширнулись, только хотели любви предаться, а тут – приход. Ха-ха-ха... – Сизых зло рассмеялся. – Вот не повезло тебе, так не повезло, Кеша! Сколько же ты прожил с этой наркоманкой? Да она еще и лесбиянка к тому же, о как! Год, два?

– Она не была наркоманкой, Валерий Иванович, – вдруг вступился Горелов за Риту, хотя еще с утра злорадствовал по ее адресу, но тогда-то он думал, что она жива, а теперь все вон как поменялось. – И лесбиянкой она не была. Все это очень похабно кем-то инсценировано!

– Кем? – тут же выстрелил вопросом Сизых и мигом нацелился на следующий. Горелов просто слышал, как тот передергивает затвор своего грозного допросного оружия. – Кому это понадобилось, не скажешь ли? Тебе? Кому-то еще?

– Мне-то зачем?! – вытаращился Горелов на начальника. – Я-то тут при чем? Вы еще у меня про алиби спросите, Валерий Иванович!

– И спрошу, отчего ж нет? Ты же про алиби у этого, как его... – начальник пощелкал толстыми пальцами, – у Белова спрашивал, почему бы мне и у тебя об этом не спросить? Тем более ты так уверен в том, что смерть твоей бывшей жены – не несчастный случай... Короче, мысли всякие приходят в голову. Может, ты ей отомстил за то, что бросила тебя. Что ушла, хлопнув дверью.

– Она не хлопала, – слабо возразил Горелов, прекрасно поняв своего начальника.

Тот был не в гневе – он был в такой яростной ярости, что оставалось только диву даваться, отчего это он не орет, не чеканит по кабинету бешеным шагом и не рекомендует Горелову писать рапорт с объяснением – для начала. А потом уж – как придется.

– Валерий Иванович, так вы отдадите мне дело? Нет?

– Нет!!! – взвыл Сизых, да так, что портрет президента над его головой покосился. – Дело ему!!! Какое дело, мать твою?! Дело обдолбанных лесбиянок? Или, быть может, дело косо-рукого киллера? Так оно уже у тебя!!! Или, быть может, дело нефтяных магнатов?! О-о-о!!! По ним такое громкое дело может получиться – ты себе не представляешь, Горелов!!! Это же на правительственном уровне пойдет расследование, а! Как тебе, а?! Приедут представители госструктур и начнут тут носом рыть, перекапывать все наши бумажки и перебирать все завязочки на наших папочках!!! А все почему?! А все потому, Горелов, что кому-то вдруг захотелось убить эту шлюху!!! Да, да, я о твоей бывшей жене, Горелов! Уж никак она порядочной женщиной быть не могла, раз бросила такого орла, как ты! И теперь...

Сизых вдруг осел в кресле, как изъеденный сыростью мартовский сугроб, полные щеки его посерели, а глаза заволокло сизой пеленой.

– Теперь у нас, Кеша, начинается такая запара, что мы жизни невзвидим.

– Почему? – Он не посмел обидеться на Сизых.

Мужик тот был отменный. И товарищ надежный. Никогда не лютовал без дела. И если теперь он так орет и матерится, стало быть, причин к тому множество.

– Потому что потому! – воскликнул Сизых, но уже без прежней силы, гнев его имел уже остаточный характер, как последний всплеск волны в море после шторма. – На вот, глянь для начала.

Он снова начал разгребать бумаги на столе, будто листья гигантских кувшинок на поверхности пруда. Рылся, рылся, выудил пару фотографий большого формата и швырнул их Горелову через стол.

– Посмотри, посмотри, Иннокентий Иванович, что мне тут жильцы одного дома принесли.

С кем, а правильнее с чем, соседствовал дом, жильцы которого принесли Сизых фотографии, Горелов понял мгновенно, стоило ему на снимки взглянуть. Добропорядочные граждане, решившие снабдить следствие фотоматериалами, проживали аккуратно напротив того самого кафе, где не так давно двумя выстрелами в голову была убита некая гражданка Стефанько, выскочившая на перекур на ступеньки кафе в норковом полушубке своей подружки – Беловой Марии Николаевны. И тем самым заморочившая голову всем подряд, начиная со своей оставшейся в живых подружки до следственных органов.

– Ну! Что скажешь? – насупился Сизых, поглядывая на Горелова с обидой. – Что видишь?

– Вижу... – неуверенно проговорил тот. – Вижу Марину Стефанько на первом снимке, прикуривает.

– А на втором, на втором?! – поторопил его Сизых. – На втором снимке что видишь?

– На втором вижу, как она падает.

– И все?

– Нет, не все... Позади нее вижу отпрянувшую... Риту...

– Вот, вот, наконец-то!!! – заорал Сизых с такой радостью, будто они только что разгадали невероятно сложную и высоко премируемую шараду. – Теперь ты понимаешь?

– Понимаю что? – Горелов неуверенно отложил фотографии.

– Что убить хотели как раз Горелову Маргариту, а не Марину Стефанько. Девка попала под пулю случайно, понимаешь ты или нет?!

– Не факт, Валерий Иванович.

– Факт, да еще какой! – И Сизых шарахнул ладонью по столу, отсекая все возражения. – Девки обе – блондинки, так? Так! Обе в сереньких норковых шубках коротких, так? Так!

– Но Стефанько не в своей шубке. Она надела шубку подружки. И, если честно, я склонялся к версии, что покушались на Марию Белову. Она ведь тоже блондинка и тоже высокая. И...

– Да вот только Белова до сих пор жива и здорова. И, похоже, жизни ее ничто не угрожает. А вот Маргариту Горелову убили! Это о чем тебе говорит?

– О чем?

– О том, что, перепутав баб возле кафе, убийца не оставил попытки избавиться от Гореловой. Он таки добил ее. А? Как тебе? – Сизых заходил по кабинету гоголем, хотя глаза его оставались невеселыми, растерянными даже. – А может, все это нарочно так запутали, а? Может, Горелову нарочно у кафе не убили, решив начать со Стефанько? А? Что скажешь?

– Мудрено очень, Валерий Иванович. К тому же в первом случае стреляли, а во втором – применили наркотики. Как-то не вяжется, – он снова подтянул к себе фотографии, посмотрел внимательно. – Если бы они еще рядом стояли, можно было бы подумать, что убийца промахнулся, а так между ними расстояние в полметра.

– Так я и не говорю, что он промахнулся, хотя стрелок он – так себе, Стефанько тоже не сразу уложил. Говорю же – перепутал!

– Слепой, что ли? – недоверчиво хмыкнул Горелов.

– Может, и слепой. – Сизых вдруг резко остановился и посмотрел на подчиненного с интересом: – А ведь это мысль, Иннокентий! Вот тебе и задание, раз уж ты до дела и до тела своей бывшей так рвешься: поищи-ка в ее окружении людей с ослабленным зрением. И не

только в ее, а также в окружении ее супруга, ныне овдовевшего. Поди безутешен он теперь, такую красавицу потерял, ай-ай-ай...

Безутешным новоиспеченный вдовец Иннокентию совсем не показался. Скорее негодуящим, может быть, раздраженным. Оно и понятно, таким заметным людям совсем не резон оказаться замешанными в столь громком скандале. А смерть его молодой жены была обставлена весьма скандально. Закончить жизнь так непристойно, так неприглядно! Девочкам из высшего общества, коли уж им не было суждено дожить до глубокой старости, надлежит погибать либо в авиакатастрофах (автокатастрофы тоже принимаются), либо сломать себе шейку на горнолыжном модном курорте, либо сгореть в солярии, ну уж, на худой конец, стать жертвой похищения.

Но чтобы так! От передоза, голышом, в постели с женщиной!!! В то время когда муж в отъезде по делам бизнеса, приносящего ему шикарные дивиденды!

Это больше чем скандал – это публичное оскорбление, это пощечина!

– Что вы хотите? – Вдовец высокомерно взглянул на Горелова, вторгшегося в святая святых – осиротевший к этому часу дом соперника.

– У меня есть к вам несколько вопросов, – Горелов недовольно поджал губы и полез за удостоверением в карман плаща. Раздеться ему не предложили, да и вообще пока что держали у порога.

– Не трудитесь, я знаю, кто вы. Вы что же, станете расследовать причины ее смерти?! Странно, что вам доверили это дело, хм-м... Идемте за мной.

Риткин муж, этот старый морщинистый засранец, в морду которому Горелову захотелось дать сразу же, как только он его увидел, повернулся к следователю спиной и направился куда-то в глубь дома. Горелов, нарочно не вытерев ноги о пушистый ковер у порога, пошел следом.

Что она могла в нем найти, ну что?! Ноги едва волочит, спина сгорбленная, кисти рук – во вздувшихся венах и пигментных пятнах. Как она могла позволить этим рукам себя касаться?! Этим старым, бескровным растрескавшимся губам – трогать свое тело, как она могла такое позволить?!

Идиотка чертова! Дурочка! Как она могла так необдуманно поступить?! Как решилась сломать жизнь всем сразу: себе, ему – Горелову, своей матери?! Бывшая теща не раз плакалась Горелову в жилетку о том, насколько она не одобряет Риточкин выбор. Это когда он еще отвечал на ее звонки.

Всем поломала жизнь. Теперь вот саму жизнь – и ту у нее отняли.

Вдовец провел Горелова в гостиную, обставленную роскошно, но старомодно. Он бы никогда не стал покупать таких пузатых горок и столов со столь вычурными ножками. И портьеры такого тяжелого и темного шелка никогда бы не выбрал. Он бы...

Чушь какая-то лезет в голову. Разве это теперь важно? Важно, кто мог желать смерти его бывшей жене Ритке, причем так сильно желать, что, промахнувшись один раз, решил повторить свою попытку убить ее? Этот старый пердун вряд ли причастен. Возжелай он такого исхода – сделал бы все так, чтоб комар носа не подточил. И уж точно не позволил бы трепать собственное имя в контексте такой бесславной кончины его супруги. Обставил бы ее уход с красивым шиком.

Они расселись в креслах, стоявших одно напротив другого, и уставились друг на друга. Горелов старался смотреть беспристрастно и вежливо. Хотя нет-нет, но удовлетворенная ухмылка и скользила по его губам. Это когда он сравнивал себя со стариком и себе в актив очки добавлял.

Вдовец смотрел на него холодно и надменно. О чем он думал, догадаться было невозможно, серые глаза его казались просто темными провалами на этом морщинистом лице. Ничего не выражающими и не содержащими в себе ни тени эмоций бездонными ямами.

– Итак... – нарушил тишину вдовец, уставший наблюдать, как удовлетворенно ухмыляется Горелов, сравнивая собственную молодость и его старость. – Что привело вас сюда и именно сегодня?

– Мне кажется, у нас с вами общая беда, Владимир Васильевич.

– Нас с вами ничто никогда не объединяло прежде. – Вдовец свел свои артритные пальцы домиком. – Не объединяет и теперь. Так что же?

– Ну как же, Владимир Васильевич, – потихоньку завелся Горелов. – А смерть Риты?

– Ах, это! – Владимир Васильевич пренебрежительно хмыкнул. – Дрянная девка получила то, что заслужила. И не надо так гневаться, уважаемый Иннокентий Иванович: она очень скверно поступила со всеми нами. С вами в том числе. И даже в первую очередь. То ли мамаша не дала ей должного воспитания. То ли вы ее распустили, чрезвычайно избаловав, но... Она очень гадко вела себя!

– Да? И как же именно? Мне необходимо знать обо всех ее поступках, включая особо гадкие!

Иннокентий стиснул зубы, чтобы, не дай бог, не изругать уважаемого дебелого старца. Сколько там ему в нынешнем году исполняется? Кажется, шестьдесят девять? Да, вроде так. Нельзя, нельзя дерзить дядечке. Нельзя провоцировать insult.

Старая сволочь!

– Это вам нужно для дела или для чего-то еще? – Седая бровь Владимира Васильевича чуть приподнялась.

– Для дела, для дела, не сомневайтесь. Кстати, для того же дела мне необходимо знать, что вы делали и где были в то время, когда...

– Когда наша с вами безмозглая жена предавалась любовным утехам со своей подругой? – Холодов очень неприятно оскалился. – Все справки подобного рода – только через адвоката. Сейчас же я могу вам ответить лишь на вопросы, касающиеся поведения Маргариты. И то в плане обычной беседы. Как-никак мы с вами оба – пострадавшие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.